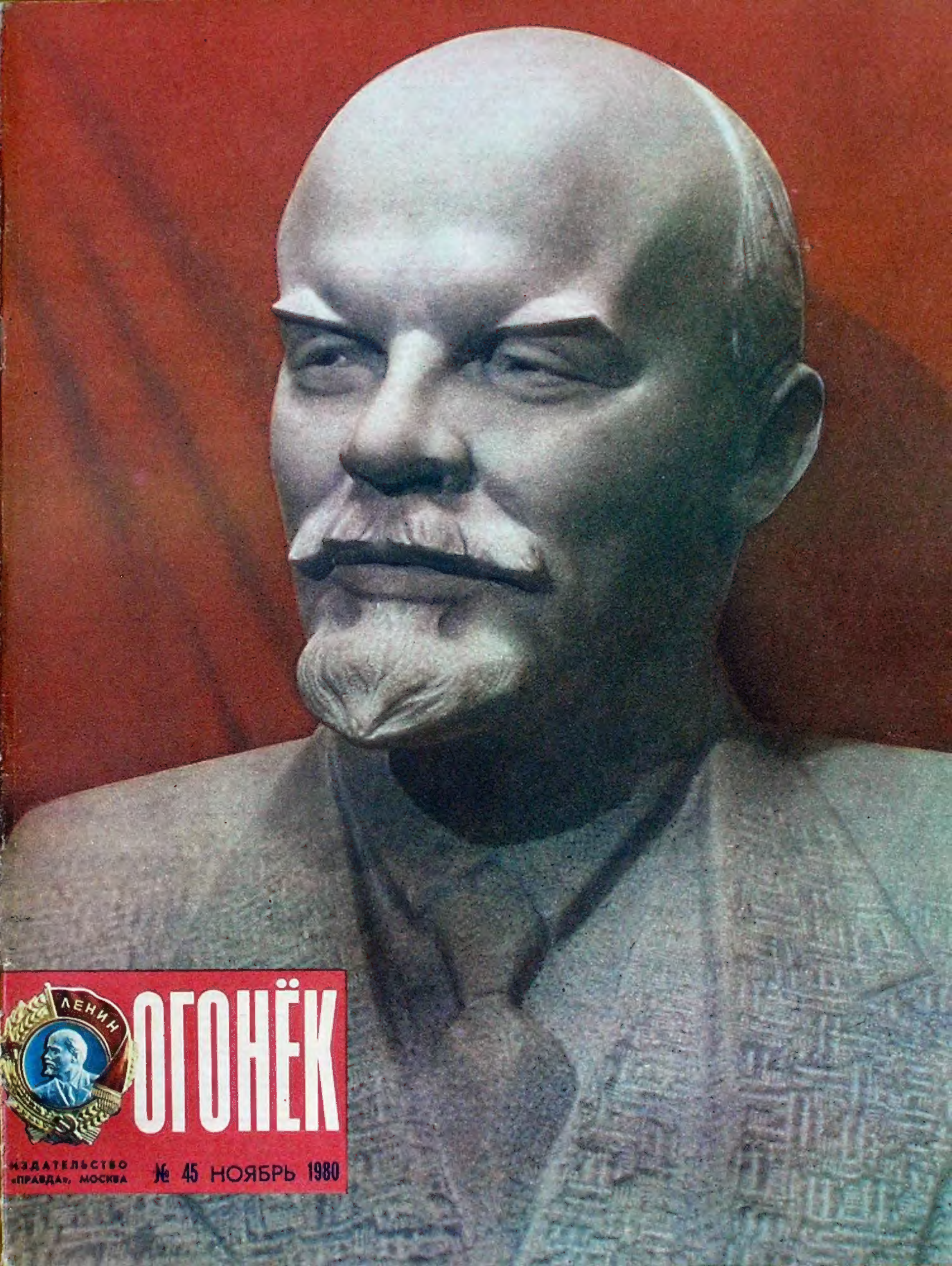

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 45 НОЯБРЬ 1980

Во время вручения наград.

Фото А. ГОСТЕВА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 45 (2782)

8 НОЯБРЯ 1980

ВЫСОКИЕ НАГРА

В канун 63-й годовщины Великого Октября успешно завершен самый длительный в истории человечества космический пилотируемый полет. Летчики-космонавты СССР Л. И. Попов и В. В. Рюмин проявили высокое мастерство, отличное знание сложной техники, мужество и героизм во время выполнения 185-суточной программы научно-технических исследований и экспериментов на борту орбитального комплекса «Салют-6» — «Союз».

Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев вручил 4 ноября в Кремле героям космоса высокие награды Родины.

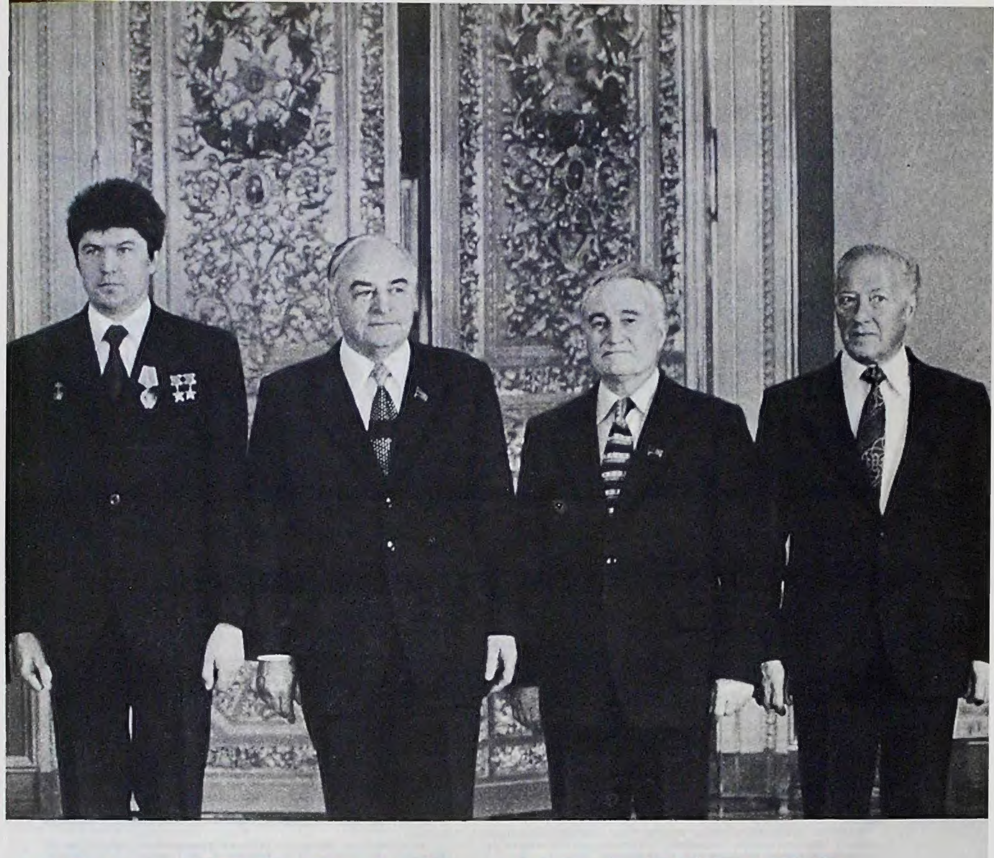
При вручении наград выступил товарищ Л. И. Брежнев. Он, в частности, сказал:

— Мне приятно приветствовать вас, настоящих космических богатырей, в этом торжественном Кремлевском зале.

Долгая у вас была командировка. Валерий Викторович Рюмин побил все рекорды по длительности пребывания человека в космосе, да и Леонид Иванович Попов, хотя и полетел в первый раз, зато сразу больше чем на полгода.

Ваши 185 суток в космосе, заполненных напряженным и разнообразным трудом, сделали космические дали ближе и доступнее для землян. И несомненно, что проведенные вами исследования и эксперименты обогатят многие отрасли науки, найдут применение в практических делах.

У вас было не так уж мало гостей на орбите: пять советских, венгерский, вьетнамский и кубинский космонавты. Сейчас с полным пре-

ДЫ ГЕРОЯМ КОСМОСА

вом мы можем сказать: советские ученые, конструкторы, инженеры, рабочие, космонавты вымостили дорогу в космос для сыновей братских социалистических стран. И это очень хорошо.

Дорогие товарищи! За успешное осуществление длительного полета на борту орбитального комплекса «Салют-6»—«Союз» и проявленные при этом мужество и героизм Леониду Ивановичу Попову присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда», а Валерий Викторович Рюмин награжден орденом Ленина и второй медалью «Золотая Звезда».

С ответным словом выступил Л. И. Попов:

— Я сердечно благодарю Центральный Комитет КПСС, Президиум Верховного Совета СССР, Советское правительство, лично Вас, дорогой Леонид Ильич, за высокую оценку нашего труда,— сказал он.— Заверяю, что советские космонавты приложат все свои знания и опыт для дальнейшего освоения космического пространства на благо нашей Родины.

Затем выступил В. В. Рюмин. Он, в частности, сказал:

— Эту награду отношу на счет выдающихся достижений советских ученых, инженеров, техников, рабочих, специалистов космодрома, Центра управления полетом, Центра подготовки космонавтов, командно-измерительного и поисково-спасательного комплексов — всех коллективов и организаций, которые принимали участие в подготовке и осуществлении нашего полета.

В память о знаменательном событии в космосе Л. И. Попов и В. В. Рюмин вручили Леониду Ильичу Брежневу свидетельство о полете экипажа и макет орбитального научно-исследовательского комплекса с дарственной надписью.

При вручении наград были кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР В. В. Кузнецов, заведующий отделом ЦК КПСС И. Д. Сербин, секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. П. Георгадзе, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. И. Блатов, руководитель подготовки космонавтов генерал-лейтенант авиации В. А. Шаталов.

Во время встречи.

Фото В. Мусаэльяна (ТАСС)

ДРУЖЕСКИЙ РАБОЧИЙ ВИЗИТ

По приглашению Центрального Комитета КПСС и Советского правительства 30 октября в Москве находились с дружеским рабочим визитом Первый секретарь Центрального Комитета Польской объединенной рабочей партии Станислав Каня и член Политбюро ЦК ПОРП, Председатель Совета Министров Польской Народной Республики Юзеф Пиньковский.

В Кремле состоялась советско-польская встреча на высшем уровне. В ней приняли участие:

с советской стороны — Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов, член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, секретарь ЦК КПСС К. В. Русаков, член ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР И. В. Архипов;

с польской стороны — Первый секретарь ЦК ПОРП С. Каня и член Политбюро ЦК ПОРП, Председатель Совета Министров ПНР Ю. Пиньковский.

В центре внимания участников встречи были вопросы дальнейшего развития советско-польских отношений. Эти отношения проникнуты духом добрососедства, товарищеской солидарности, общности целей и устремлений.

Л. И. Брежнев выразил уверенность советских коммунистов, трудящихся Советского Союза, что коммунисты, трудящиеся братской Польши сумеют решить вставшие перед ними острые проблемы политического и экономического развития и, опираясь на созданный за годы народной власти материальный и духовный потенциал, обеспечат рост жизненного уровня трудящихся, дальнейший всесторонний прогресс народной Польши.

В беседе были рассмотрены актуальные проблемы современной международной обстановки. Подчеркивалось, что сейчас, как никогда, необходимы целеустремленные действия, чтобы воспрепятствовать развязыванию нового тура гонки ядерных вооружений. Именно в этом направлении действуют СССР, Польша и другие страны социалистического содружества, предложившие конструктивную программу сдерживания гонки вооружений.

Встреча прошла в обстановке сердечности и единства взглядов, характеризующих отношения между КПСС и ПОРП.

В этот же день товарищи С. Каня и Ю. Пиньковский отбыли на родину.

На Внуковском аэродроме польских руководителей провожали товарищи Л. И. Брежнев, Н. А. Тихонов, А. А. Громыко, К. В. Русаков. Среди провожавших был посол ПНР в СССР К. Ольшевский.

Открытие Всесоюзной конференции писателей.

СЛОВО ПИСАТЕЛЕЙ

В Баку состоялась Всесоюзная творческая конференция писателей. Ее девиз — «Дружба народов — дружба литератур». В обсуждении проблемы «Слово писателя — активная сила в интернациональном и патриотическом воспитании советского человека» приняли участие литераторы Москвы, Ленинграда, всех союзных республик, зарубежные гости.

Открывая конференцию, первый секретарь правления Союза писателей СССР Г. М. Марков отметил, что она является крупнейшей акцией Союза писателей

СССР в преддверии XXVI съезда КПСС и VII съезда литераторов страны.

Бурными аплодисментами встретили собравшиеся приветствие участникам конференции товарища Л. И. Брежнева. Приветствие огласил кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана Г. А. Алиев.

От имени участников конференции Г. А. Алиев выразил сердечную благодарность Центральному Комитету КПСС, Политбюро ЦК, лично Леониду Ильичу Брежневу за постоянное внимание и заботу о развитии советской литературы, творческих художественных ценностей, за теплые слова и добрые пожелания.

Подчеркнув огромное значение в жизни партии, всего советского народа решений октябрьского (1980 г.) Пленума ЦК КПСС, положений и выводов, вытекающих из программных выступлений товарища Л. И. Брежнева, докладчик выразил уверенность, что советские писатели, революцией мобилизованные и призванные, будут и впредь находиться в самой гуще грандиозных свершений советского народа, чутко слушая пульс эпохи, создавать новые произведения, достойные нашего замечательного времени.

На торжественном открытии выступили секретарь правления СП СССР, главный редактор журнала «Советский Союз» Н. Грибачев, председатель Союза чехословацких писателей Я. Козак, председатель правления СП Грузии Г. Абашидзе, член Политбюро ЦК НДПА, писатель из Демократической Республики Афганистан Гулям Дастагир Панджшири, ответственный секретарь Тюменской писательской организации К. Лагунов, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» писатель и общественный деятель Абдуррахман аль-Хамиси (Арабская Республика Египет), председатель правления СП Дагестана Р. Гамзатов, первый секретарь правления СП Азербайджана И. Касумов.

Писатели, участники конференции, побывали в трудовых коллективах республики.

Участники конференции направили приветственное письмо ЦК КПСС, товарищу Л. И. Брежневу.

В работе конференции принял участие заместитель заведующего Отделом культуры ЦК КПСС А. А. Беляев.

В зале Всесоюзной конференции.
Фото О. Литвина и Ю. Рахиля
(ТАСС)

НАВСТРЕЧУ XXVI СЪЕЗДУ КПСС

МЕСТО В ТРУДОВОМ СТРОЮ

Одно из самых почетных мест на праздничной демонстрации в колонне объединения «Невский завод» имени В. И. Ленина предоставлено нынче бригаде молодого коммуниста Ю. В. Цветкова из механосборочного цеха. В этом признание заслуг коллектива, стремительное восхождение которого обеспечено смелым поиском, внедрением новых форм социалистического соревнования.

«Невский завод» — флагман отечественного энергомашиностроения. И совершенно уникальна его роль в развитии сети магистральных газопроводов «Сияние Севера», Средняя Азия — Центр.

...На свой завод Юрий Цветков пришел сразу после восьмого класса. Пришел в цех, где всю жизнь отработал его отец и где трудилась мать. Став членом бригады М. А. Логинова, Юра нашел здесь наставников, заботливых и добрых, и сам, видимо, унаследовав талант отца, оказался весьма способным учеником. Если измерять мастерство только разрядом, вершин он достиг очень быстро, но, оглядевшись с этих вершин, увидел, что они лишь подножие огромного мира, в котором им пройдено всего восемь школьных шагов. Тогда он поступил в техникум. Окончив его, отнюдь не спешил занять предлагавшиеся ему административные должности. А вдруг удивил многих, взявшись возглавлять крупнейшую на корпусном участке бригаду слесарей. Крупнейшую, но далеко не лучшую.

Проблемы с его приходом, конечно, никуда не делись. Однако, рано став самостоятельным, Юра за все успехи и неудачи привык спрашивать только с себя. С той же меркой подходил и к людям. Именно о требовательности, жесткой личной ответственности каждого за общее дело говорил он на том памятном для участка собрании, когда попросил у администрации предоставить его бригаде право самой решать вопросы распределения заработка. На этом собрании обсуждался ход выполнения обязательств. И сначала все шло по накатанной колее: было много нареканий в адрес смежников и явно не хватало критики в собственный адрес. Но, по мнению Цветкова, новые источники повышения производительности следовало искать не на стороне, а прежде всего у себя. Бригадир понимал: занижена нормативная база, и начинать следовало с нее, точнее, с самосознания людей, добровольно готовых усложнить свою жизнь заведомым ужесточением этих самых норм.

Таких он нашел в собственной бригаде. И, выступая на собрании со столь ответственным заявлением, руководствовался не теоретическими расчетами, а поддержкой товарищей. Поддержка была весьма конкретна: пересмотрев свои возможности, бригада за последующие полгода на четверть снизила внутрисменные простои, а объем выпускаемой продукции увеличила почти на 9 процентов!

Разумеется, и сама бригада изменилась не вдруг. Кто-то, недовольный требовательностью нового руководителя, ушел искать места поспокойнее, кто-то, наоборот, увлеченный его поисками, замыслами, попросился сюда. Весьма показательно, что молодые рабочие из этого коллектива — Саша Ширяев, Миша Блинов, Виктор Поляков, отслужив в армии, вернулись, как они говорят, «к своим». Почему?

— Потому что здесь интересно, — отвечает за всех А. Ширяев.

Постепенно, исподволь, но прочно складывался тот сплав опыта, молодости и мастерства, что называется сейчас бригадой Цветкова.

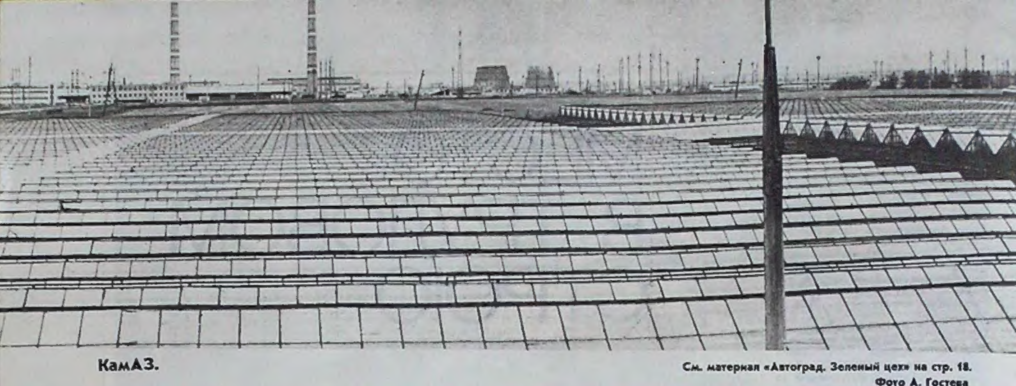
Коллектив этот сумел выдержать и, пожалуй, самый ответственный свой экзамен — перешли на новую форму организации труда с применением коэффициента трудового участия. Собственно, сама так называемая «калужская система» не новость, но и по сей день внедрение ее представляет немалую сложность для любого предприятия, ибо требует прежде всего моральной готовности людей к пересмотру своего личного вклада в коллективную копилку. Бригада к этому пересмотру оказалась готовой.

Выступая на октябрьском (1980 г.) Пленуме ЦК КПСС, Л. И. Брежнев подчеркивал, что непременным условием производственных успехов остаются повышение уровня хозяйственной работы, воспитание у кадров деловитости, ответственности и инициативы.

— Мне кажется, — говорит Юрий Цветков, — что новая система организации труда очень созвучна этим требованиям.

...С хорошим настроением встречает бригада Цветкова праздник Великого Октября. С хорошим настроением и прекрасными результатами, как, впрочем, и весь коллектив прославленного объединения. Выполняя предсъездовские обязательства, предприятие уже к 25 октября выполнило пятилетний план по нормативной чистой продукции, изготовив и дополнительную продукцию. Полторы тысячи рабочих справились к празднику со своим пятилетним заданием, а 600—на полгода перешагнули и этот рубеж. Среди лидеров и бригада Ю. В. Цветкова, по праву занимающая почетное место в рабочем строю.

О. ПЕТРИЧЕНКО

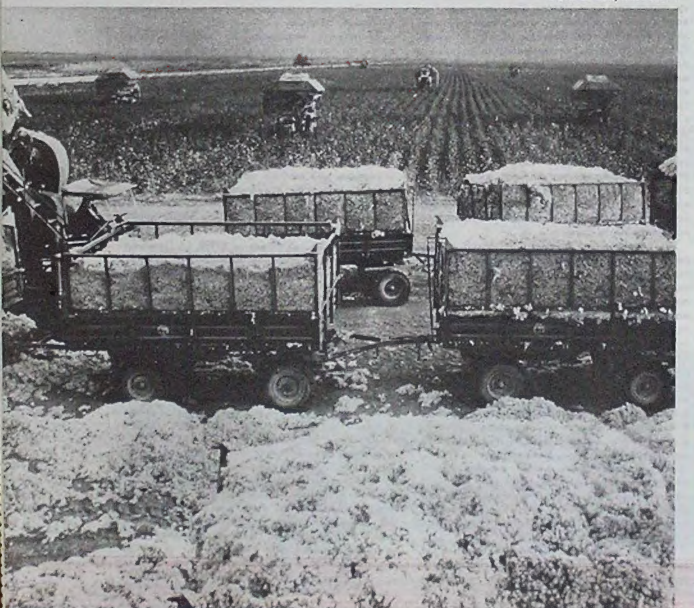
КамАЗ.

См. материал «Автоград. Зеленый цех» на стр. 18.
Фото А. Гостева

ПО СТРАНЕ СО

УЗБЕКИСТАН.

Осенние айсберги — символ трудовой доблести хлопкоробов.
См. материал «6. 000. 000» на стр. 6.
Фото В. Сваричевского

Геннадий ОСТРОВСКИЙ

На Красной площади

За тыщу верст живешь
И все ж,
Хотя бы раз в году,
На площадь Красную
придешь —
И перехватит дух...

Шаги расколют тишину.
Я не заговорю.
Но словно прошлого вдохну
И в завтра посмотрю...

СЛАВА ВЕЛИКОМУ ОКТЯБРЮ, ОТКРЫВШЕМУ НОВУЮ ЭПОХУ В ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА!

Из Призывов ЦК КПСС к 63-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

ЛЕНИНГРАД.

Невский завод. Бригада молодого коммуниста Юрия Цветкова. См. материал «Место в рабочем строю» на стр. 3.

Фото Г. Копосова

ВЕТСКОЙ

«огонек» на баме

ВПЕРЕД ЛЕТИТ НАШ ТЕПЛОВОЗ!

В. КУЗНЕЦОВ,
фото автора

5 октября в торжественной обстановке уложено последнее 25-метровое звено главного рельсового пути восточного участка Байкало-Амурской магистрали на территории Хабаровского края. Путеукладчик пересек границу с Амурской областью. Событие произошло почти на год раньше намеченного срока. Эту трудовую победу бамовцы восточного участка посвятили предстоящему XXVI съезду Коммунистической партии Советского Союза.

Поезд № 501 не значится в расписаниях пассажирских служб Дальневосточной железной дороги. И билетов на него в кассах не продавали. Проводники пускали пассажиров с особыми мандатами, подтверждающими право проезда в первом поезде. Мандаты же выдавались лучшим из лучших — за ударный труд, мужество, выдержку, тем людям, которых страна называет героями Байкало-Амурской магистрали. В маршруте 501 значатся станции Ургал, Чегдомын, Алонка, Этеркан и дальше — это путь в историю, потому что маршрут эшелона проходит по магистрали будущего.

Первый пассажирский поезд идет по новеньким бамовским рельсам, по которым еще никто никогда не ездил. Пассажиры у окон толкуют о просеках, насыпях, выемках, шпалах, которых не было здесь год, месяц, неделю назад. А вагоны легко постукивают на рельсовых стыках, и кажется, дорога тут — такая же неотъемлемая часть пейзажа, как эти вечные березы, реки, горы...

— Что было здесь раньше?

— Тайга.

Смеются ребята у вагонных окон. Они-то уж точно знают, что здесь было пять годков назад.

...К концу января появилась насыпь первых метров будущей дороги. Настал черед путейцев. День был будничный, группа воинов-железнодорожников стояла у насыпи, морозные дымки белыми колоннами подпирали небо над крышами еще тихого Ургала. Первое звено на восточном участке решили положить за Героя Советского Союза сержанта железнодорожных войск Виктора Мирошниченко. Точно зафиксировали начало укладки первого звена — 9 часов 00 минут, 5 февраля 1975 года. В тот день дорога шагнула к холодным родникам Солони, к марям Алонки. Там, за поворотом, уже ждал Дуссе-Алинь, грозные реки Бурея и Амгунь, был тогда впереди и декабрь 77-го, когда красавица Алонка впервые услышала гудок тепловоза...

И вот он снова — гудок первого пассажирского поезда. Отгромыхав на станционных стрелках, 501-й медленно плывет мимо белостенного поселка. Ясными глазами радостных окон встречает его пятилетняя Алонка — станция на БАМе.

Поезд идет сквозь тайгу. Да, но прежде чем пустить его, нужно было построить почти 700 километров восточного крыла БАМа, освободить «запломбированный» льдом 1800-метровый Дуссе-Алиньский тоннель, навести более двух десятков мостов, 249 искусственных сооружений, построить 40 станций и разъездов, переместить свыше 20 миллионов кубометров грунта. Строя дорогу, сражались не только с природой, но и со временем.

На западном участке рельсы уже коснулись Байкала. На восточном легли на границу Амурской области с Хабаровским краем. На центральном сдана в эксплуатацию линия Бам — Тында — Беркакит. БАМ не только строится, БАМ уже работает. С первого января 1981 года начнет жить Байкало-Амурская железная дорога МПС с управлением в городе Тынде.

...Наш поезд, пройдя Этеркан, остановился. Дальше рельсов пока нет. Пикет 810-го километра, лежащий на границе Амурской области с Хабаровским краем, стал местом праздника. Кумач знамен, медь оркестров, речи ораторов... Праздник, как привал перед новым штурмовым броском — дальше, на Февральск.

6.000.000

УСПЕХ ХЛОПКОРОБОВ УЗБЕКИСТАНА

Вячеслав КОСТЫРЯ

Фото
Виктора СВАРИЧЕВСКОГО
Специальные
корреспонденты
«Огонька»

«Шесть миллионов тонн хлопка — есть! Нынешняя белая страда в республике была похожа на штурм высоты. Боевой настрой земледельцев можно понять, лишь зная, что в начале десятой пятилетки, определившей для республики рубеж в 5,9 миллиона тонн, эта высота была заветной мечтой, а раньше — скажем, в двадцатых годах — просто-напросто считалась недосягаемой. Ведь в 1921 году хлопковый хирман Узбекистана представлял собой едва заметный холмик весом в 14 тысяч тонн!

Только в 1935 году был взят один миллион тонн. Два миллиона добыли в 1950 году. Затем, как всегда, вместе со всей страной и с ее постоянной братской помощью узбекские хлопкоробы шагали шире: в 1959 году оставили позади ступень в 3 миллиона тонн, в 1970-м — 4 миллиона, в 1974-м — 5 миллионов и вот теперь — есть 6 миллионов!..

Пожалуй, лишь из космической выси можно одним взглядом охватить все хлопковые бунты республики, каждый весом в четыреста тонн — целая горная гряда в 15 с лишним тысяч вершин.

Каковы главные, глубинные опоры этой гряды?

Кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана, дважды Герой Социалистического Труда Шараф Рашидович Рашидов ответил так:

— Для читателей журнала, думаю, будет особенно доходчивым следующий пример. Одного известного поэта кинорежиссер попросил срочно написать слова для песни к кинофильму. Поэт вскоре позвонил на студию: «Текст готов!» «Как? — поразился режиссер.— Вам понадобилось всего четверть часа?!» И поэт ответил: «Да, пятнадцать минут плюс вся моя жизнь»... Так вот, если говорить о «всей жизни» хлопкоробов, она ныне стоит на трех крепких опорах: гигантская энерготехническая вооруженность, высокий научный уровень агротехники, всестороннее партийно-идеологическое обеспечение сельских тружеников. Всего шестьдесят дней понадобилось нашим мастерам уборки, чтобы вывершить эту шестимиллионную бело-золотую гряду. Шестьдесят дней плюс шестьдесят лет Советской власти, интернациональной помощи братских народов, организующей, вдохновляющей деятельности партии.

— Чем особенно отличается нынешняя уборка?

— Высокими темпами. В начале октября, в разгар страды, темп сбора в республике доходил до 200 тысяч тонн в сутки. Пятый миллион тонн был доставлен на хирманы в течение пяти дней. И это, конечно, не предел. Впереди еще более высокие рубежи, путь к которым осветил в яркой аналитической речи на октябрьском (1980 года) Пленуме ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев. Новые высоты конкретно определит XXVI съезд партии, и они будут безусловно взяты. Для этого у нас есть все, и главное, чудесные люди, мастера-хлопкоробы самого отменного класса.

Создание наилучших условий для их жизни и труда, забота об их быте, рабочем, творческом настроении—неисчерпаемый резерв роста. Именно в этом направлении работают коммунисты республики.

...Представьте, что вы вернулись поздним вечером домой после, в сущности, привычного напряженного труда на хлопкоуборочной машине. Еще днем в поле по итогам пятидневки вам вручили вымпел передовика, премировали транзисторным приемником, часами или другим подарком. На флагштоке бригады в вашу честь подняли знамя, на стенде висит ваш портрет и под ним крупными буквами высокие цифры показателей. Дома, конечно, об этом могут и не знать. Не станешь же сам перед отцом-матерью, родственниками похваляться успехами!..

Но вот открыл дверь в родной дом немногословный, вдобавок еще и совсем юный механик-водитель, а домашние встречают его улыбками, объятиями, поздравлениями. Как настоящего героя! На столе «Благодарственное письмо семье», отпечатанное типографским способом, лишь фамилия и имя старательно начертаны рукой местного художника. Оказывается, принес твоим родным это письмо-сюрприз отличник совхозной школы во главе своего пионерского отряда, с барабанным боем и трубным маршем горнистов...

Со многими передовиками Октябрьского района Джизакской области приходилось говорить, и все в один голос: «После такой чести одна мысль в голове — завтра постараюсь получше».

Первый секретарь райкома партии Мазур Нишанов сказал:

— Не один год район ходил в середняках. Земля у нас трудная, солончаковая, недавно поднятая целина... Теперь вот первыми в области, еще третьего октября досрочно завершили пятилетку, двенадцатого — годовое задание, восемнадцатого — социалистическое обязательство. Причем не только выполнили план по машинной уборке, но весь плановый хлопок собрали машинами. После республиканской переклички по селектору, которую проводил Шараф Рашидович Рашидов, земледельцы района решили прибавить к сорока тысячам тонн по соцобязательству еще пять тысяч.

Разговор продолжил начальник штаба по уборке, секретарь райкома Кахрамон Силлиев:

— Почти каждый из восьмисот наших коммунистов наряду с прямыми производственными обязанностями имел партийные поручения по учету показателей, оперативному устранению помех на стыках уборочного конвейера «поле — тележка — заготпункт — поле». Конечно, четкость пришла не сразу. Очень четко действовал уборочный конвейер в совхозе имени Сабира Рахимова, где директором молодой, но знающий толк в пропагандистской и агитационной работе коммунист Махрам Маллаев.

А ведь не так давно это хозяйство отставало. Еще в начале десятой пятилетки урожайность хлопчатника здесь не превышала 22 центнеров. В 1979 году ее подняли до 29 центнеров, а ныне — до 33!

— Все зависит от партийной постановки дела,— убежденно заявил директор.— Суть в том, чтобы человек всегда искал наилучший вариант решения, чувствовал себя хозяином поля, машины, каждого килограмма удобрений, а в итоге — урожая. Тогда результат будет обязательно высокий, ни одна хлопковая долька не пропадет... Именно так мы поняли слова Леонида Ильича Брежнева на недавнем Пленуме ЦК КПСС о резком повышении производительности и качества труда. Мы широко применяли на уборке материальное стимулирование. Вот и получилось в итоге: если в начале пятилетки убытки хозяйства составляли 850 тысяч рублей, то в прошлом году мы имели уже 1 миллион 200 тысяч рублей чистой прибыли, а ныне — дважды миллионеры!

Услышав это, я вспомнил слова председателя Джизакского облисполкома Эркабая Исламова, когда стало известно о выполнении областью социалистического обязательства:

— Теперь и хороший хлопок у государства есть и земледельцы получат сполна за свой труд. У людей настроение такое, что уже сейчас к седьмому миллиону тонн примериваются...

В том же приподнятом настроении был и первый секретарь обкома Тухтамыш Баймиров, известный освоитель Голодной степи, лауреат Ленинской премии.

— А что? — улыбнулся он.— Вот оживим всю степь Джизакскую, будет и больше... Конечно, наш областной вклад — 350 тысяч тонн сырца — пока скромнее, чем у ташкентцев, бухарцев, андижанцев, самаркандцев... Но целинный хлопок почти сплошь машинный, можно сказать, самый современный, выращивается и убирается по последнему слову науки и техники. Но нам, целинникам, еще многому надо учиться у мастеров старопахотных оазисов — у них урожайность пока выше. Я участвовал в работе октябрьского Пленума, слушал программную речь Леонида Ильича Брежнева и, знаете, перебирал в памяти чуть ли не поименно наших богатырей-механизаторов. Побольше заботы о каждом из них — вот о чем думалось, когда Генеральный секретарь нашей партии сказал: «Как вы знаете, в центр практической работы в области экономики партия поставила рост уровня жизни народа». Опыт освоения Голодной степи многому учит...

Разговор заходит о культурных запросах. Заведующий отделом пропаганды и агитации обкома партии Исмадияр Джамалов — засмеялся:

— Помнится, еще на посевной один механизатор задал мне лукавый вопрос: «Почему нашей преображенной степи оставили название «Голодная»?» И сам же ответил: «Может, потому, что к нам редко приезжают мастера искусств, видные писатели, столичные оркестры и ансамбли? Не все же одни свои моторы слушать. Когда к нам на полевой стан приехала народная артистка Людмила Зыкина, наши ребята по две нормы выполнили!» Вот как... В обкоме при обсуждении плана уборочной кампании этот «голод» был на особом учете. У джизакцев в нынешнюю страду побывала большая группа композиторов и исполнителей — участников Всесоюзного музыкального фестиваля в Ташкенте. Не одна тонна сверхпланового хлопка записана на их счет.

— А гостей наши хлопкоробы наверняка вдохновят и на песни

и на симфонии, — подчеркнул Тухтамыш Баймиров.

...На запыленной спецовке приставшие хлопковые волоконца, из кармана выглядывает замасленная ветошь. Белки глаз красноваты от недосыпания, но взгляд веселый, даже озорной. Рука большая, однако рукопожатие, по узбекскому обычаю, мягкое, едва ощутимое.

— Спасибо! — говорит мужчина, внешне ничем не отличающийся от окружавших нас механизаторов совхоза-техникума имени Ленина Дустликского района. — Был я прошлой зимой на отдыхе в Прибалтике, в Юрмале, открываю «Огонек», смотрю фотоснимок — мой портрет! Настроение поднялось от мысли: значит, и другие отдыхающие будут знать, что отлеживаюсь здесь не просто так... — Сказав так, Герой Социалистического Труда Тулян Дадажанов продолжает: — Какой хлопок, сами смотрите... А вот транспортные тележки для него маловаты... Вместо десяти, которые мы загоняем далеко в междурядья, лучше две повместительней. Быстрее бы дело пошло! Подводят нас машиностроители. Правда, — улыбнулся он, — у них теперь работы поприбавилось после критики Леонида Ильича на Пленуме ЦК КПСС... Хотя есть у них и немало удачных машин. На усовершенствованном — тут скажем им спасибо! — четырехрядном «Узбекистане» я обязался собрать нынче 630 тонн, а по урожаю вижу: можно прибавить еще 30 тонн. Ну, и плюс еще шесть тонн для совсем круглого счета — 666 тонн — мой подарок XXVI съезду партии. Хлопка бы побольше...

В последней фразе жила главная забота целинников — повышение урожайности. Много опыта передали им мастера старопахотных земель. Естественно, и научились у них многому, особенно индустриализации всего процесса возделывания и уборки ценной культуры. Но, к примеру, 120-гектарное поле Артыкбая Рахматова из колхоза имени Навои Джизакского района — пока мечта даже для Туляна Дадажанова: 65 центнеров сырца на каждом гектаре!

— Наши колхозные земли примыкают к городу, — говорит Артыкбай. — Расширяться некуда, более того, теснят нас строители. Один выход: тщательная обработка каждого участка, научное применение удобрений и, конечно, сокращение сроков на каждой операции, чтоб получался ранний и дружный хлопок — машинный. В этом году 95 процентов собрали «голубыми кораблями». Иначе как идти к седьмому миллиону?..

То, что так по-государственному ставит вопрос рядовой хлопкороб, говорит о многом. Повсеместно в республике стали обычным делом обменные семинары-показы на полях передовиков. А в последнее время образцы высокой урожайности показывают и целинники, как, например, бригадир совхоза имени Абая Мирзачульского района, депутат Верховного Совета СССР Руяб Маматова.

Выпускница Ташкентского сельскохозяйственного института, она работала в Голодной степи инженером совхоза, а с 1970 года здесь, в степи джизакской. В первый год урожайность хлопчатника в бригаде была 21 центнер, а уже в 1978 году достигла 51 центнера. Нынче ее коллектив выполнил план первым в районе. Недаром, видно, Руяб Маматова родом из Кашкадарьинской области, славящейся мастерами урожаев.

Немало в степи потомственных хлопкоробов из других областей. Среди них и Максуда Фазылова, приехавшая из Ферганской долины во главе комсомольско-молодежной бригады.

Район выбрали в полном смысле новорожденный, в начале 1980 года он получил свое имя — Зарбдарский, то есть Ударный. Название совхоза, где им выделили землю, тоже было по душе — «Прогресс». Там уже не один месяц хозяйствовал директор из голодностепцев Ахмаджан Валиев, «менял пейзаж согласно названию», как выразился он (кстати, самодеятельный художник). Четыре с половиной тысячи кустов голодностепских роз привез он в степь джизакскую.

— Люди к нам приезжают культурные, с образованием, — довольно смеется Ахмаджан. — Как им без роз хлопок делать? Одна Максуда вон какая... Приехал к нам как-то второй секретарь обкома Евгений Александрович Клейменов, слышу, беседует с Максудой ни по-русски, ни по-узбекски... Оказывается, оба знают английский! Максуда окончила Кокандский пединститут, преподаватель... А недавно из областного радиокомитета приезжали записать на пленку узбекские песни в ее исполнении... Вот вам и механизатор... Когда появилась с бригадой, показала только комсомольскую путевку и диплом об окончании шестимесячных курсов механизаторов-водителей. Знает: в степи людей по хлопку ценят.

С виду Максуда совсем девчонка, но рука твердая, спортивная.

— В 1978 году при плане 7 центнеров с гектара получили 21, в 1979-м вместо 14,7 собрали по 37,7, а теперь вот у нас более сорока центнеров. И обязательно будет 50! Это наш подарок XXVI съезду партии.

Первый секретарь Зарбдарского райкома партии Мустафакул Умурзаков дал нам почувствовать масштабы преображения этой части степи.

— Начали с дорог, воды, света. И сразу взялись за жилье, детсадики, культурные учреждения, — сказал он. — Этим во многом объясняется, что, кроме почти 30 тысяч тонн хлопка, в нашем молодом районе произведено ныне более 14 тысяч тонн зерна, 16 тонн шелковичных коконов, почти шесть тысяч тонн овощей, около 13 тысяч тонн бахчевых. Планы превышены вдвое и более. Каракульских смушек — в шесть раз, шерсти — в три, а яиц — в девять! А впереди — новые планы. Уже к открытию XXVI съезда партии будет введен в строй первый агрегат мощной насосной станции, которая поднимет сырдарьинскую воду из Южно-Голодностепского канала почти на сорок метров. Проектная мощность станции — 140 кубометров воды в секунду.

Наш путь по степи к хлопковым полям оказался убедительной иллюстрацией к этим на первый взгляд сухим цифрам. На многих массивах тракторы впервые поднимали зябь под озимые хлеба. Не тронутые еще массивы уставлены стогами сена. Здесь пасутся отары овец, чуть поодаль — табунок верблюдов. А ближе к дороге, рядом с мазанками из круглого сырцового кирпича, вскинулся многоэтажный жилой дом. Прямо на обочине — штабеля дренажных труб. За бетонной оградой, поблескивая на осеннем солнце свежей краской, ряды разного назначения машин — хозрасчетное управление строит объекты нового совхоза «По пути Ленина».

А вот и знакомая примета действующего хлопкового поля — акведуки на бетонных опорах. И за ними — в те дни уже необычно безлюдные, обнаженные поля: белое золото драгоценным грузом покоилось на заготпунктах. Смотришь на эти просторы и ловишь себя на мысли: вот оно, богатырское земное ложе, где в одиннадцатой пятилетке будет рождаться узбекистанское белое золото — седьмой миллион тонн.

Мастер-хлопкороб из колхоза имени Навои Джизакской области Артыкбай Рахматов.

Максуда Фазылова.

На счету трех братьев-механизаторов совхоза имени С. Рахимова — Хакима, Саидмурада и Уктама Артыковых — 500 тонн собранного хлопка.

МЫ ВЛАСТЬ БЕРЕМ ВСЕРЬЕЗ И НАДОЛГО

А. СМОЛЬНИКОВ,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник ИМЛ
при ЦК КПСС

К сожалению, не было сделано ни одной фотографии В. И. Ленина в Октябрьские дни 1917 года. Каждый из этих дней с исключительной скрупулезностью изучается ныне, спустя 110 лет со дня рождения великого вождя мирового пролетариата.

К самому революционному месяцу 1917 года относится около 150 документов биографической хроники Ленина. Из них по меньшей мере 80 касаются военной подготовки Октября. За каждой, бережно сохраненной строкой — многочисленные факты, судьбы людей, героическая история будней революции. Они воспроизводят день за днем картину кипучей практической деятельности вождя во время подготовки восстания. Он направляет деятельность Центрального Комитета партии, Военно-революционного комитета, встречается с членами ЦК РСДРП (б), руководителями Военной организации партии.

Готовя вооруженное восстание, Владимир Ильич, по свидетельству Крупской, «...не только перечитал и самым тщательным образом проштудировал, продумал все, что писали Маркс и Энгельс о революции и восстании, он прочел немало книг и по военному искусству, обдумывая со всех сторон технику вооруженного восстания, организацию его. Он занимался этим делом гораздо больше, чем это знают...»

Вопросы военной истории всегда интересовали Ленина. В Горках, где провел свои последние годы Владимир Ильич, в его личной библиотеке находятся книги и по истории войн, в том числе энциклопедия Леера, труды по первой мировой войне, книги о наполеоновских походах и другие. За скупыми строчками документов, запечатлевшими участие Ленина в подготовке Октября, видны его глубокая компетентность в военных вопросах, четкое понимание очередности предстоящих дел во время самого восстания, ясное представление о численности и расположении необходимых союзников пролетариата со стороны революционной армии.

Из документов, хранящихся в архивах нашего института, изучающего великое ленинское наследие, зримо встает та огромная деятельность, которую вел Владимир Ильич в дни, предшествующие победе революции. И как важен каждый неизвестный документ, каждый новый штрих...

1 (14) октября. Ленин призывает к немедленной подготовке восстания, подвергает острой критике тактику ожидания съезда Советов, предупреждает партию, что промедление ставит под угрозу и международное революционное движение и русскую революцию.

Между 3 и 10 (16 и 23) октября Владимир Ильич в беседе с приехавшим к нему из Петрограда Э. Рахьей говорит: «Революция должна произойти в течение ближайших недель, и если мы к этому не подготовимся, то потерпим поражение, не сравнимое с июльскими днями, потому что буржуазия изо всех сил старается удушить революцию, и она сделает это с такой жестокостью, какой еще не знает мировая история».

Прибыв в Петроград, Ленин берет непосредственное руководство подготовкой восстания в свои руки.

7 (20) октября, обосновывая необходимость немедленного вооруженного восстания, он просит ЦК «принять все меры для руководства неизбежным восстанием», а также предусмотреть посылку делегаций в Гельсингфорс, Выборг, Кронштадт, Ревель, в воинские части к югу от Питера и в Москву, чтобы разъяснить особенности текущего момента и поддержать предлагаемую резолюцию.

8 (21) октября, обобщая высказывания Маркса и Энгельса о том, что *«восстание, как и война, есть искусство»*, Ленин раскрывает общие закономерности вооруженного восстания: «...Никогда *не играть* с восстанием, а, начиная его, знать твердо, что надо *идти до конца*... Комбинировать наши три главные силы: флот, рабочих и войсковые части...»

Осторожно разворачиваю табачного цвета страницы ветхой газеты... Вот когда непосредственно ощущаешь дыхание революционных событий! Этот документ, пожалуй, наименее известный из тех, о которых я рассказал. Принятое конференцией большевистских военных организаций XII армии приветствие Ленину публикуется 12 (25) октября в № 1 газеты «Окопный набат» (Венден). Газетный петит дополняет имеющуюся в хронике запись строчками, обращенными к Ленину, строчками, которые вождь революции непременно читал: об избрании его почетным председателем конференции военных организаций РСДРП (б) XII армии. «Не только пролетариат тыла, но и сознательные войска фронта,—читаем дальше,— считают Вас лучшим, светлым вождем всей городской и деревенской бедноты».

Владимир Ильич Ленин подписывает заявление о согласии баллотироваться в Учредительное собрание от Северного фронта действующей армии. Оба документа тесно связаны между собой: XII армия, дислоцировавшаяся в Прибалтике, входила в состав Северного фронта, охраняла непосредственные подступы к сердцу революции — Петрограду. От позиции революционных солдат этого фронта и, в частности, одной из трех входивших в него армий, 12-й, зависела военная поддержка революции в Питере.

Не случайно, определяя узловые пункты начала восстания, Ленин наряду с обеими столицами назвал и важные революционные центры XII армии и соседних армий — Гельсингфорс, Кронштадт, Выборг, Ревель. Армейским большевикам предстояло не только в самые короткие сроки организовать солдатские массы и «как можно серьезнее, как можно подготовленнее» осуществить восстание, но и быть непосредственно в центре борьбы с Временным правительством и корниловскими полками. Приветствие воинов-большевиков армии Ленину, единодушное выдвижение солдатами его кандидатуры на выборах в Учредительное собрание свидетельствовали о поддержке революционной армией его идей, политики большевистской партии.

Ночь с 20 на 21 октября (2—3 ноября). На квартире рабочего Д. А. Павлова Владимир Ильич встречается с руководителями Военной организации при ЦК РСДРП (б) В. А. Антоновым-Овсеенко, В. И. Невским и Н. И. Подвойским. Он решительно возражает против оттяжки выступления, которая могла бы дать передышку противнику, категорически настаивает на ускорении подготовки восстания. Владимир Ильич расспрашивает руководителей Военной организации о военной квалификации того или иного командира Красной гвардии.

Рождаются исторические слова: «...Промедление в восстании смерти подобно». В ночь с 24 на 25 октября (с 6 на 7 ноября) Ленин в Смольном. Пробирался он туда, используя правила конспирации, даже надев парик. Здесь Ильич непосредственно руководит вооруженным восстанием.

Н. И. Подвойский вспоминает, как Ленин говорил:

«— Где же видно, чтобы власть отдавали без бою, власть всегда берется с бою. Она не передается от одного класса другому какими-нибудь декларациями, и никакие декларации эту власть не защитят...»

К утру почти весь город, за исключением Зимнего дворца и штаба военного округа, был занят красногвардейцами и революционными войсками.

«Когда самокатчик,— вспоминал В. Д. Бонч-Бруевич,— привез в Смольный донесение Н. И. Подвойского о взятии Зимнего дворца и об аресте Временного правительства, Владимир Ильич находился в комнате Военно-революционного комитета. Узнав о победе, все закричали «ура!», дружно подхваченное сотней красногвардейцев, находившихся в соседней комнате.

Через минуту крики «ура!» уже неслись отовсюду, и мы двинулись цепочкой по широкому коридору Смольного, до отказа набитому людьми.

— Снимите парик!— шепнул я Владимиру Ильичу.— Давайте спрячу,— предложил я, видя, что Владимир Ильич держит парик в руке.— Может, еще пригодится! Почем знать?

— Ну, положим,— хитро подмигнул мне Владимир Ильич.— Мы власть берем всерьез и надолго...»

М. Девятов. ВЕТЕР ОКТЯБРЯ.

В. Золотавин. АПРЕЛЬ 1917 ГОДА.

ПОБЕДИЛА ИДЕЯ

Галина КУЛИКОВСКАЯ

Фото Сергея ПЕТРУХИНА

Оговорюсь заранее: речь пойдет не о конкретной человеческой судьбе — о рождении идеи, сложном процессе ее материализации и торжестве коллективного разума...

Авиационные двигатели не ставят на пьедесталы — нефотогенично. Представьте себе конусообразное творение человеческого ума и человеческих рук, каким бы оно гениальным ни было, на гранитном постаменте. Не эффектно, не эстетично, не воспримется обозревателем. И все же я бы поставила памятник мотору НК-12 не только за то, что его появление ознаменовало собой новый этап в развитии мирового самолетостроения. Да, это был первый мощный турбовинтовой двигатель, позволивший лайнеру достичь высоких скоростей. Посаженный на стреловидное крыло ТУ-114, он произвел сенсацию на выставке в Париже в 1957 году. Он открыл движение между Москвой и Гаваной. Он поднял в небо великана «Антея», способного перевозить... теплоход. Благодаря его экономичности впервые сравнялись в цене авиационные и железнодорожные билеты...

Созданный почти четверть века назад, НК-12 отличается высочайшей надежностью — ни одной аварии по его вине. Его продолжают выпускать серийно, и до сих пор он служит своеобразным эталоном для некоторых зарубежных фирм. Симптоматично в этом отношении сравнительно недавнее ироническое высказывание английского журнала «Flight International» (1979 год, 24 февраля): «В проекте Локхид «Recat» (коммерческий воздушный транспорт с уменьшенным расходом энергии) используются винтовентиляторы Гамильтон стандард. Исследуются (только еще исследуются! — Г. К.) проблемы установки и шума. Проект «Recat» имеет значительное сходство с ТУ-114». И далее: «...Туполев и Кузнецов в 1954 вышли на М-0,85 (почти звуковая скорость.— Г. К.) с винтами. Когда Локхид перестанет отстаивать авторские права, она может спросить у русских, как они этого добились». Для сравнения в журнале помещены фотографии обоих самолетов. Под ТУ-114 стоит 1954 год, под «Recat» не без сарказма завопрошен год 1985...

Настанет час, и люди увековечат труд создателей живучего турбовинтового мотора, выдержавшего в наш перенасыщенный техническими свершениями век самое тяжкое испытание — испытание временем. Более того, в последние годы началась его победоносная вторая жизнь.

Позволю себе познакомить читателя с некоторыми страницами биографии Генерального конструктора по авиационным двигателям, лауреата Ленинской и Государственной премий, Героя Социалистического Труда академика Николая Дмитриевича Кузнецова. Внук крепостного крестьянина графа Орлова-Давыдова, сельского кузнеца («В нашем роду Конновых, насколько помнил дед, все были кузнецами, отсюда и фамилия пошла другая: «Чьи дети?» — «Кузнецовы»,— рассказывал мне академик), в пятнадцать лет вступил в комсомол. И в том самом имении Сельская отрада в Рязанской губернии, где жил дед, только называлось оно теперь по-иному: «Комсомольская отрада», потому что стало совхозом. В этом хозяйстве все было юно: само имя, люди — молодежный коллектив, невиданные, только что присланные машины.

Николай, сын кузнеца Кузнецова, сел на «Фордзон». Заграничное диво страшно тарахтело, переполошило всю деревню, а широкоплечему, рыжеголовому парню в холщовой рубахе, сшитой по последней моде,— косоворотке, это очень нравилось. Его широкое лицо, с крупными чертами и высоченным лбом, откровенно сияло.

Мотор, первый в своей жизни мотор, Николай полюбил с первого взгляда. Он знал, что машина стоит дорого, куплена на трудовые народные рубли, и обращался с ней осторожно, но взыскательно. Чистил трактор, разбирал, ремонтировал сам, не доверяя никому, даже кое-что переделывал по-своему, чтобы трактор лучше работал. Тогда, видимо, и поселилось в нем чувство бережного отношения к технике, бережного и хозяйского — стремление взять от нее максимум того, что она способна дать. Максимум и даже чуть побольше.

С годами это чувство в нем, воспитаннике Ленинского комсомола (сельская ячейка послала его учиться в техникум, московская комсомолия, взявшая шефство над авиацией,— в Военно-воздушную академию имени Жуковского), окрепло, стало всепоглощающей потребностью, как и создание нового. Не ею ли была продиктована попытка использовать на земле мотор, отработавший свой ресурс в воздухе? Только один двигатель, например, способен заменить несколько тяжелых дизелей, обслуживающих буровую установку. Предложение кузнецовского ОКБ было закреплено авторским свидетельством за номером 135047. А ведь шел 1957 год, всего лишь четвертый год существования НК-12М! Но его творцу уже не давала покоя мысль о том, как продлить жизнь двигателей. Что же дальше? Невозможно было допустить, чтобы сложнейший двигатель, состоящий из десятков тысяч деталей, на изготовление которого было затрачено столько усилий, дорогих легированных и жаропрочных материалов, шел под копер. Он должен еще долго работать, приносить пользу людям.

— К сожалению, мы тогда, видимо, бежали, что называется, впереди паровоза,— вспоминает академик.— Промышленность, а точнее, ее люди не были готовы прежде всего психологически к отказу от дизелей. Да и топливно-энергетическая проблема не стояла столь остро, как сейчас. Следующий шаг был совершен через десять лет.

В одной из своих командировок Генеральный конструктор побывал на компрессорной станции по перекачке газа. Она поразила его своей громоздкостью: фундаментальное здание, цеха с большими тяжелыми машинами, мостовыми кранами и подкрановыми путями. Сколько же металла ушло на них! Подсобные сооружения, много обслуживающего персонала...

Идея пришла мгновенно, что характерно для академика: чем сложнее ситуация, тем быстрее он склоняется к логически завершенному решению. Надо конвертировать двигатель НК-12М, заставить его работать на газе. Впоследствии привод газоперекачивающего агрегата получит марку НК-12СТ. Ученый в мыслях уже видел его контуры — простые, компактные, легкие блоки, собранные воедино.

Время благоприятствовало реализации этой идеи. С открытием богатых месторождений газа в Средней Азии, а позже в Западной Сибири начался бурный взлет газодобывающей промышленности, прокладывались сверхдальние магистрали, строились станции по перекачке газа — без них магистраль еле дышит. Отечественного оборудования не хватало, пришлось покупать за рубежом, в частности агрегат «Коберра». К тому времени американская фирма «Дженерал электрик» и английская «Роллс-ройс» уже располагали опытом применения авиационных двигателей на земле. Ставили при этом, идя на удорожание, совершенно новые, не работавшие в воздухе моторы,— была тут для них какая-то выгода.

В ОКБ Кузнецова начались работы по переделке двигателя. Не просто было заставить мотор сменить профессию: на небе — керосин, на земле — газ. Кинетическая энергия, выработанная в камере сгорания газогенератора, приведет в действие так называемую свободную турбину, специально сконструированную для агрегата, и, наконец, нагнетатель, подымающий давление газа в трубопроводе до определенной величины... Вся установка получит имя (ГПА-Ц-6,3), должна быть легкой, подъемной, иметь высокий кпд. Большие инженерные задачи. Поиск. Расчеты. Проекты. Чертежи. Нужно построить лидерные опытные образцы, нужна хорошая испытательная база — по существу, новое производство.

— Нам было ясно, что это задача огромного народнохозяйственного значения, что все издержки быстро окупятся. В десятой пятилетке добыча газа подошла к 435 миллиардам кубических метров в год, для обеспечения его транспортировки требуются мощности около тринадцати миллионов киловатт — более двух Красноярских ГЭС! Мы сочли своим долгом внести вклад в решение топливно-энергетической проблемы, экономии трудовых ресурсов и металла. Конечно, нам пришлось повоевать за свою идею... Но ведь иначе бывает редко! — широкий жест правой руки, большой руки, умеющей держать руль самолета и автомобиля,— летал когда-то пилотом. И с парашютом прыгал. И с ледорубом взбирался на Казбек. И со спортом давняя дружба, а с теннисом и лыжами — по сей день.

— С полным пониманием к нашему предложению отнесся министр,— продолжал Н. Д. Кузнецов.— Огромную заинтересованность проявил к этой работе и оказывал поддержку Николай Константинович Байбаков, работники Госплана. Успеха мы все же добились, и значительного! — На лице улыбка, чем-то напоминавшая гагаринскую.

Я не задавала Николаю Дмитриевичу вопросов, как и с кем ему пришлось «воевать». Беседа потекла в другом русле — о перспективах, и я к ним еще вернусь. О «войнах» поведал другой человек, он близко принял к сердцу это поистине государственной важности дело, почел обязанностью коммуниста бороться за него до конца, хотя и не имел к нему прямого отношения. Таким верным союзником моторостроителей стал главный специалист Госплана СССР Николай Максимович Лебедев.

Мне была предоставлена возможность ознакомиться с постановлениями, протоколами заседаний, стенограммами дискуссий — столько было обсуждений, споров в различных отраслевых и академических институтах, и постепен-

но раскрывалось творческое, инициативное решение этой проблемы в главном планирующем штабе страны. Немало вечеров начальник отдела А. А. Аверьянов и он, Лебедев, посвятили обдумыванию и подготовке материалов и проектов решений. Может возникнуть у читателя закономерный вопрос: «Если сам председатель Госплана «за», то какие могут быть препятствия?» И тем не менее они были. Самым трудным оказалось состыковать смежные министерства, определить, кто и что будет делать. Противников как будто не было, но не было и добровольцев, готовых взяться. Это же дополнительные заботы, налаживание и освоение производств. Словом, поразительно знакомая картина, когда происходит вторжение нового, особенно если оно «инородное», чем и стали для машиностроения и газовой индустрии авиационные моторы.

Стационарные агрегаты компрессорных станций делает, например, Министерство энергетического машиностроения. Казалось бы, ему и карты в руки. Но перестраиваться на выпуск других агрегатов оно не намеревалось. С. А. Оруджев, министр газовой промышленности, оценил сразу: «Прекрасный выход из положения! Замечательно!» Оренбуржцы готовились к сдаче первой очереди газоперерабатывающего комплекса и пришли в восторг от проекта ГПА-Ц-6,3: «Давайте, давайте поскорее!» Пройдет немного времени, и газопровод Оренбург — Куйбышев первым получит их.

Наконец, после долгих проволочек определена головная организация по проектированию и доводке всего агрегата, найден его изготовитель — Машиностроительное производственное объединение имени Фрунзе в городе Сумы Украинской ССР, и с этого времени министр химического и нефтяного машиностроения К. И. Брехов проявляет постоянное внимание к этой работе. За авиапривод отвечает Куйбышевское моторостроительное производственное объединение имени Фрунзе. Создан Оперативный научно-технический координационный совет трех министерств под председательством начальника СКБ по созданию воздушных и газовых турбохолодильных машин профессора М. Г. Дубинского. Позже он был реорганизован в межотраслевой с участием представителей ГНТК. Заместитель председателя Лебедев. Ему поручено держать под строгим, ежедневным контролем первые, с трудом рождающиеся агрегаты.

ГПА-Ц-6,3 вступили в строй в 1974 году на трех станциях — в Красноармейском и Бурдыгине на линии Оренбург — Куйбышев и в Оханске на линии Нижняя Тура — Центр,— в самый «пиковый» момент, когда была в них крайне острая нужда. Компрессорные станции к тому времени стали самым узким местом при сооружении газовых магистралей, особенно в условиях Западной Сибири,— бездорожья, среди болот, на вечной мерзлоте. Использовались главным образом стационарные газотурбинные установки, требующие основательных капитальных сооружений. На это уходило времени от полутора до двух лет. В начале 70-х годов наметилось отставание в развитии газовой промышленности, низки были годовые приросты добычи газа. Всем стало ясно, что пора пересмотреть традиционные технические решения и взяться за создание качественно новой техники. Вот в какое время вступали в строй три первых ГПА-Ц-6,3.

— Однако подлинно боевое крещение наш' ГПА,— Лебедев иначе их не называет как «наши»,— получили в Газли. Помните лето 76-го, когда в Кызылкумах произошло землетрясение? Поселок газовиков Газли пострадал больше всего. Земля буквально разверзлась под зданием крупной дожимной компрессорной станции со стационарными агрегатами. Подача газа на Урал и в Центр прекратилась. Выручила газовиков авиация—и в прямом и в переносном смысле. Самолеты срочно доставили из Сум блоки, по «зеленой улице» железных дорог пришли контейнеры. Все в готовом виде. Вот в чем главная особенность и достоинство ГПА-Ц-6,3! Их можно быстро смонтировать в действующую установку, а если потребуется— демонтировать и доставить в другое место.

Генеральный конструктор Н. Д. Кузнецов.

Испытания начались...

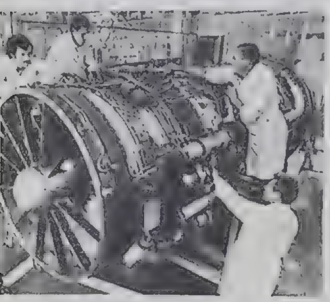

На сборочном стенде двигатель второго поколения.

У конструкторов свои проблемы.

Испытания продолжаются..

Компрессорная станция в Красноармейском.

Никакого капитального здания и крыши! Только фундаментированная площадка. Наши агрегаты с авиаприводом начали действовать на пятом месяце. Помните, об этом писали газеты, и все удивлялись, что так скоро Газли стал подавать газ. Стационарная же станция тут строилась... девятнадцать месяцев. Посмотрите на эти снимки, обе станции рядом. Когда мы их показывали, кто-то из специалистов невольно воскликнул: «Ну и мастодонты!» С тех пор это прозвище так и прилипло к стационарным.

— Может быть, ваши установки уступают стационарным в мощности?

— Идут на одном уровне, но конструкторы давно уже работают над тем, чтобы превзойти его. Мощность авиационного двигателя поднять несложно, это зависит от температуры газа перед турбиной и от стойкости лопаток. Генеральный конструктор в дальнейшем решил этот вопрос, предложил делать их охлаждаемыми. Уже сейчас обеспечивается выходное давление газа не только в 56, но и 76 атмосфер. Непрерывно повышается и кпд агрегатов.

Плодотворное содружество авиационной и газовой промышленности характеризует и такой эпизод. Весной прошлого года началось расширение газопровода Орджоникидзе — Тбилиси. Трасса его пролегала по отрогам Большого Кавказского хребта. Тут и селевые потоки, и оползни, и снежные лавины, и блуждающие русла горных рек.

Срок был дан короткий — всего пять месяцев, и строители уложились. Кроме газопровода, надо было построить в районе поселков Чми и Квешети — отметка 1820 метров над уровнем моря — две компрессорные станции. Вопрос о том, какими они должны быть — стационарными или блочно-контейнерными, даже не возникал. С. А. Оруджев, ознакомившись с местностью, заявил: «Только с авиаприводом». Тягачи по серпантинам Военно-Грузинской дороги доставили на высокогорный перевал блоки агрегатов. Основание под блоки-боксы было отсыпано из обломочных скальных пород. Какой же драгоценной находкой, сопоставила я, будут агрегаты с авиаприводом на трассах газопровода из Медвежьего к западной границе и из Надыма в Норильск!

Для полноты знакомства с ГПА оставалось посмотреть действующую установку. И когда Лебедев предложил поехать вместе с ним в Куйбышев, куда ему предстояла командировка, напомнив, что Красноармейское, с первой ГПА-Ц-6,3, в ста километрах от города, я с радостью приняла приглашение.

...Сначала степь лежала совершенно пустая, с золотистым жнивьем. Потом вдруг слева по горизонту что-то забелело узенькой полосочкой.

— Бытовой корпус, в нем столовая.

— А где же сама станция?

— Белые квадратики видите?

Вблизи квадратики выросли в шеренгу — тут пять агрегатов — пять этажерок-секций, собранных из светло-серых, под дюраль, металлических ящиков, поставленных бок о бок и друг на друга. Один столбец башенкой, как потом узнала — блок выхлопного устройства. Предельная лаконичность, четкие, как на ватмане, линии разъемов. Все до такой степени современно, что кажется: не на ВДНХ ли мы? Сменный инженер П. А. Квасов устроил небольшую экскурсию.

— Сколько же человек обслуживает всю компрессорную станцию?

— Пять: сменный инженер, два машиниста, оператор и связист. Но можно управлять ею и дистанционно, с пультовой.

Я уже знала, что есть вариант вахтового обслуживания в необжитых местах, что ГПА с авиаприводом могут быть полностью автоматизированы, подобно ГЭСам (это предусмотрено созданием единой системы газификации страны), что на каждом агрегате по сравнению со стационарным экономится до 200 тонн металла. Заводы-изготовители взяли на себя полное обслуживание агрегатов ремонтом, и по надежности они превосходят своих конкурентов, эксплуатация которых насчитывает более двух десятилетий.

Министерство авиационной промышленности СССР представило специальный альбом по газоприводам. В нем есть схема расположения компрессорных станций ГПА-Ц-6,3. Карта страны запестрела разноцветными, в зависимости от года сдачи, кружочками и значками от зауральских глубинок и узбекского Мубарека до белорусского Несвижа и украинских Крестищ. 230 агрегатов! Они способны работать при температуре от +45 до —57 градусов. Экономический эффект за счет ускоренного ввода таких станций за пятилетие превысит миллиард рублей... В 11-й пятилетке ими будет оснащено еще больше газовых магистралей страны, а ведь сейчас применяются установки перекачки по крайней мере десяти типов.

Особенно красноречиво беспристрастное мнение главного заказчика — Министерства газовой промышленности СССР: «В первые годы десятой пятилетки получены невиданные за всю историю годовые приросты газа... В этом немалая заслуга создателей, изготовителей и эксплуатационников агрегата ГПА-Ц-6,3, сыгравшего не только революционную роль в ускорении сооружений и ввода в эксплуатацию компрессорных станций на магистральных газопроводах, но и изменившего психологию людей, заставив их поверить в широкие возможности авиационной техники в газовой индустрии».

Остается добавить, что работа эта представлена на соискание Государственной премии.

Поистине техника, способная дважды жить, в воздухе и на земле, достойна быть возведенной на пьедестал!... Однако что же тогда сказать об агрегате ГПА-Ц-16, который в два с половиной раза мощнее своего предшественника и с высоким, до 33 процентов кпд, выше, чем у зарубежных установок, и выше ныне действующих. После отработки в воздухе его снимут с самолета ТУ-154, на котором мы прилетели из Москвы,— кстати, это самая распространенная машина Аэрофлота — и с ИЛ-62 и приспособят для перекачки. Это будет двигатель одиннадцатой пятилетки. Да, именно его имел в виду Генеральный конструктор, рассказывая о двигателях второго поколения для газовых магистралей. На рабочем столе Н. Д. Кузнецова прекрасно выполненный макет шестнадцатого. В газотурбинном двигателе сохранено 69 процентов деталей базового двигателя, высок его межремонтный ресурс — до пятнадцати тысяч часов и общетехнический — до сорока тысяч. Конструкция модульная, то есть разъемная, и может перевозиться любым видом транспорта.

Академик говорил о горячей заинтересованности инженеров и рабочих, стремящихся с большой ответственностью создать новую технику, нужную стране. Называл фамилии ее творцов: заместителей главного конструктора В. Н. Орлова, ведущего конструктора М. Т. Василишина, сборщиков и испытателей.

— Весь опыт передового авиационного и моторостроения вкладываем в это дело.— Кузнецов подошел к моделям машин, стоящих у окна.— В перспективе работа над еще более мощными двигателями. Промышленность, можно сказать, еще только приступает к выпуску аэробуса ИЛ-86, только заканчиваются эксплуатационные испытания головной машины, а мы думаем над тем, как после отлета применить в народном хозяйстве и ее двигатель, чтоб он не стоял без дела. Это будет машина третьего поколения с еще более высокими параметрами — на двадцать пять тысяч киловатт. (Ровно половина мощности первых турбин довоенного Днепрогэса.— Г. К.) Задание на проектирование уже выдано. Диапазон применения может быть чрезвычайно широк. Не только газовая промышленность, которая перейдет на газопроводы с более высоким давлением,— перекачка нефти, пиковые электростанции, передвижные электростанции для строителей и геологов, силовые установки, судостроение...

«Умей приносить максимальную пользу людям»... «Извлекай из общественного опыта знания, необходимые для лучшего исполнения тобой государственной должности».

У члена Президиума Верховного Совета РСФСР Генерального конструктора Н. Д. Кузнецова — государственная должность. Эти строки из его заметок на память.

Валерий **КАДЖАЯ**

ФАРО И ЕЕ БРАТЬЯ

Для геронтологов Фаро Минаевна представляет сущий клад: ей исполнилось 95 лет, но какая живость ума, отменная память, и на здоровье («Тьфу-тьфу, не сглазить»,— смеется она) не жалуется, хотя уже сорок два года живет с одним легким, и в тюрьмах до революции сидела не раз, и лишений всяких перенесла не счесть. Шутка ли, она вступила в партию в 1903 году, да-да, в том самом незабываемом 1903-м, когда проходил II съезд и когда они, революционеры, по образному выражению Ленина, шли тесной кучкой по обрывистому и трудному пути, крепко взявшись за руки, окруженные врагами, под огнем противника. И хотя о тех годах написаны научные труды, романы, повести, воспоминания, и кажется иногда, что сам жил в то время и видел все своими глазами, но нет, встреча с живым очевидцем полна неизъяснимой прелести, и слушаешь с волнением, и словно видишь картинки, нарисованные памятью очевидцев, бережно сохраненные, несущие неповторимый аромат эпохи.

Фаро было 14 лет, когда ее привезли из уездного карабахского городка Шуши в Баку и устроили в заведение св. Нины — пансионат с гимназическим обучением. Ее отец сельский учитель Мирзаджан Киунянц, — он был уволен со службы за вольнодумство и непочтительность к церковным обрядам, после чего занялся юридической практикой в качестве правозаступника трудового люда, — мечтал видеть своих детей образованными. Выполняя волю отца, старшие братья Фаро Богдан, Людвиг и Тигран отправились один за другим в Петербург. И один за другим возвратились к родным пенатам, высланные полицией «за участие в студенческих беспорядках». Там, в Петербурге, Богдан и Людвиг вступили в Союз борьбы за освобождение рабочего класса, стали убежденными марксистами.

В Баку, который дышал революцией, братья с головой окунулись в социал-демократическую работу. Условия для подпольной работы здесь были по сравнению с другими промышленными центрами России, можно сказать, идеальные: разноязыкий город, кривые и узкие улочки, в которых сам черт бы запутался, разбросанные среди нефтяных промыслов рабочие поселки, а самое главное — боевой, горячо откликающийся на революционное слово пролетариат. Это слово несли ему ссыльные марксисты, социал-демократы. Постепенно кружки разрастались, их становилось все больше и больше.

Появился кружок и среди подростков. Его организовал Богдан и предложил вступить Фаро. Кроме нее, в кружке занимались еще две пансионерки и шестеро гимназистов. Они изучали вначале «Историю культуры» Липперта, затем — «Манифест Коммунистической партии» и другую революционную литературу.

К весне 1901 года социал-демократическая организация в городе настолько разрослась, что для руководства ею был создан Бакинский комитет РСДРП. В его состав вошли Л. Кецховели, А. Енукидзе, Л. Гальперин, М. Меликян, Б. Кнунянц и другие. При комитете был организован Ученический комитет — к этому времени среди гимназистов действовало уже три кружка, и работа с учащейся молодежью набирала силу. Фаро была избрана в Ученический комитет и получила первое партийное задание — вести кружок среди работниц-шляпниц. Муж одной из них был членом социал-демократической организации. Начали все с той же истории культуры по Липперту, а потом перешли к Марксу. «Если бы вы знали, с каким усердием они занимались,— говорит Фаро Минаевна.— Такая была тяга к знаниям, к борьбе».

Одним из самых замечательных дел Бакинского комитета РСДРП стало создание летом 1901-го подпольной типографии, получившей в дальнейшем конспиративное название «Нина». Бакинские социал-демократы наладили связь с редакцией «Искры». Ленинская газета шла в Баку по двум маршрутам: в первое время через Вену — Тебриз, а впоследствии — через Марсель — Батум. «Нина» работала на все Закавказье, в ней печатались произведения Маркса, Энгельса, первые работы Ленина, размножались некоторые номера «Искры».

— Весной 1902 года наши стали обсуждать, как бы провести первомайскую демонстрацию,— рассказывает Фаро Минаевна.— Помню, несколько раз собирались у нас Енукидзе, Красин, Вано Стуруа, Саша Бекзадян. До этого в Баку проходили только маевки. Богдан, понюхавший пороху в Петербурге, мечтал об открытом выступлении. Решили: организация настолько окрепла, что провести демонстрацию вполне возможно. Тигран написал масляными красками портрет Маркса. Шляпницы изготовили два красных знамени. Были выпущены листовки и прокламации.

День этот выдался солнечным, веселым. К полудню на Парапете, площади в самом центре города, собрался народ. В этом не было ничего необычного, по воскресеньям Парапет всегда был полон гуляющих. Но вот над толпой взметнулся на шестах портрет Маркса, затрепетало в руках Вано Стуруа красное знамя, над головами запорхали листки прокламаций. Словно повинуясь невидимому дирижеру, толпа вдруг перестроилась в колонну и двинулась по улице с возгласами: «Долой самодержавие!», «Да здравствует свобода!», «С праздником Первое мая!» Шествие было недолгим: из переулков вылетели казаки и стали разгонять демонстрантов. Лошади врезались в толпу, в воздухе засвистели нагайки...

Об этом событии «Искра» вскоре сообщала так: «Цель ее достигнута. Повсюду только и разговоров, что о демонстрации; публика, не читавшая еще листков, стала усиленно искать их... В рабочей среде демонстрация произвела отличное впечатление. Она подняла дух рабочих и дала им уверенность в своей силе. Бакинские рабочие сразу поднялись во мнении своем и публики, и этот рост тотчас был учтен жизнью!»

Фаро Минаевна Кнунянц.

Фото В. Ахломова

— После демонстрации мы собрались на квартире у Богдана, которую они с Тиграном снимали на Чадровой улице. Видимо, об этой квартире кто-то донес полиции, потому что наряд ее нагрянул вслед за нами, — рассказывает Фаро Минаевна. — Забрали всех: Богдана, Людвига, их невест — Лизу Голикову и Розу Бибикову, Тиграна, Сашу Бекзадяна и меня...

Фаро выпустили лишь на пятые сутки, а старших оставили. Из заведения св. Нины ее тут же исключили с «волчьим билетом». В середине мая всех арестованных на Чадровой улице освободили «за недостатком улик». Богдан затем несколько раз ездил в Тифлис, налаживал связи с грузинскими и армянскими социал-демократами. Фаро поручили вести новый кружок — на табачной фабрике.

Незаметно подошел Новый год. 31 декабря Фаро отправилась в Балаханы. Там, в доме управляющего нефтяным промыслом — мужа сестры Бекзадяна, члены Бакинского комитета под видом праздинества проводили расширенное заседание. Первым рассматривался вопрос о работе Ученического комитета. Много добрых слов сказали о Фаро и ее друзьях старшие товарищи. Особо отмечались их заслуги в организации явок, распространении политической литературы, работе в кружках и воскресной школе для рабочих. Затем было объявлено, что за удачно проведенную забастовку табачников и приказчиков члены Ученического комитета Фаро Кнунянц, Трдат Трдатян и Егор Мамулов принимаются в члены Бакинской организации РСДРП.

— Так я вступила в партию,— рассказывает Фаро Минаевна.— И сейчас, встречая Новый год, я всегда вспоминаю Балаханы, накрытый стол и вместо тостов — выступления членов комитета. Мы едва закончили их к двенадцати. А потом, потом, как обычно у всех людей,— смеется она добрым смехом.— Новый год все-таки Новый год, а мы были так молоды, и, как это говорится, ничто человеческое нам не было чуждо.

Зимой только и разговоров было, что о предстоящем общепартийном съезде. В кружках шли горячие споры о Программе партии, об организационной структуре, и в этих спорах сторонники «Искры» уверенно одерживали верх. Очень важно было послать на съезд человека, который сумел бы отстоять ленинско-искровские позиции. Бакинская организация получила право делегировать одного представителя с двумя решающими голосами. Имя его по соображениям конспирации держалось в глубочайшем секрете. И только уже зимой узнала Фаро, кто же представлял их на II съезде.

Как-то в конце декабря ей сообщили, что в Сабунчах назначено собрание, будет выступать «человек, вернувшийся из Лондона». Собрание проходило в старом бараке. Погода стояла отвратительная, сквозь щели прорывался холодный ветер с Каспия. Быстро стемнело. Керосиновая лампа на столе едва освещала помещение. Председательствующий сказал: «Сейчас выступит товарищ, который был на съезде».

В освещенный лампой круг из темноты выступил мужчина, и Фаро едва не задохнулась от волнения. Это был Богдан. Он исчез из Баку еще в мае, и с тех пор о нем не было ни слуху ни духу. Лишь несколько товарищей знали, где он, и успокаивали Фаро: «Не волнуйся, Богдан жив, не в тюрьме, выполняет очень ответственное поручение».

— Согласитесь, такие успокоительные заверения заставляли волноваться еще больше, — говорит Фаро Минаевна.— Поэтому, увидев так неожиданно Богдана, я забыла обо всем, бросилась ему на шею и заплакала. В общем, маленькое лирическое замешательство, а затем Богдан приступил к рассказу. Он говорил все то, что потом изложил в своем известном письме Бакинскому комитету. Это был своего рода отчет.

Фаро Минаевна достает из книжного шкафа книгу, открывает на нужной странице и читает вслух отчеркнутый абзац: «Мы оказались в большинстве и понятно, что провели тот состав центров, который мы находили лучшим. Видя, что сражение проиграно, мартовцы со своими 20 голосами отказываются совершенно участвовать в выборах, желая, вероятно, дискредитировать перед партией будущие наши центры. Кого они этим дискредитировали, вопрос? Думаю, что самих себя!» И еще: «Взгляды такого видного партийного деятеля, как тов. Ленин, не могли для нас быть безразличны».

— Обратите внимание на последние слова,— продолжает Фаро Минаевна.— Ленина мы все знали в основном по «Искре». Богдан поделился своими личными впечатлениями, помню, он сказал: «Ленин — бесспорный лидер партии».

Высокую оценку дал Богдану и Владимир Ильич. «Мы бы посоветовали всем, кто хочет самостоятельно разобраться в причинах партийного раскола и доискаться *корней* его на съезде, *читать и перечитывать* речь тов. Русова...» — писал Ленин в книге «Шаг вперед, два шага назад», почти целиком процитировав эту речь. Русов (псевдоним Богдана Кнунянца), которому тогда не было еще и 25 лет, показал себя зрелым революционером, одним из самых решительных сторонников Ленина и активнейшим партийцем: согласно протоколам II съезда, он 45 раз выступал, делал заявления, вносил поправки в проекты резолюций.

Богдан Кнунянц представил съезду письменный доклад Бакинского комитета и изложил его на одном из заседаний. Характеризуя основные направления деятельности комитета, доклад освещал и социал-демократическую работу среди учащейся молодежи Баку, в нем отмечалось, что

на собраниях кружковцев читались рефераты, выпускались листки... Благодаря предмайской агитации большинство учащихся старших классов не явились на занятия 1 мая... Со стороны учеников сильно растет спрос на нелегальную литературу, особенно знакомящую с программными вопросами и историей революционного движения. Ученический комитет работает под непосредственным наблюдением членов нашего комитета».

Как известно, съезд по предложению Ленина принял специальную резолюцию об отношении к учащейся молодежи. В резолюции было предложено всем организациям партии оказать всяческое содействие этой молодежи в ее стремлениях организоваться, а также поставлены перед группами и кружками молодежи конкретные идейно-политические и организационные задачи. Эта ленинская резолюция обобщила наряду с опытом других партийных комитетов и практику работы Бакинского комитета с учащейся молодежью. Не случайно, что под проектом резолюции вслед за фамилиями Ленина и Плеханова стоит подпись Русова. Можно не сомневаться, что, готовя резолюцию, Владимир Ильич был информирован о деятельности Бакинского Ученического комитета.

После съезда Владимир Ильич оставляет Богдана Кнунянца работать в «Искре», и он участвует в подготовке и издании последних шести ленинских номеров газеты. Затем в качестве представителя ЦК возвращается в Россию, выступая с докладами в различных городах, агитируя за большевистскую линию. Б. Кнунянц был активным участником первой русской революции — в 1905 году входил от большевиков в состав Исполкома Петербургского Совета рабочих депутатов, в декабре был арестован и приговорен к пожизненной ссылке в Сибирь, но спустя два года бежал за границу, участвовал в работе Штутгартского конгресса II Интернационала и IV конференции РСДРП в Гельсингфорсе. В конце 1910 года его вновь арестовали в России и спустя семь месяцев он умер в бакинской тюрьме от паралича сердца — ему было тогда всего 33 года. «Он не жил, а горел в течение этих десяти лет своей красивой жизни, которую он отдал целиком, без остатка, борьбе за социализм и за демократию», — писал С. Шаумян, узнав о смерти боевого соратника.

Людвиг и Тигран прожили долгую жизнь, оба стали инженерами. Что же касается Фаро Минаевны, то с той памятной новогодней ночи она полностью посвятила себя профессиональной революционной работе, а в советское время занимала ответственные посты в Бакинском комитете партии, аппарате ЦК ВКП(б), была редактором журналов «Что делать?» и «Радио».

— А сейчас я просто бабушка,— шутит она.— Я очень счастлива. Жизнь моя удалась.— Она показала книгу, которую написал о ней ее внук Александр Русов, доктор химических наук и писатель. Книга кончается словами Фаро Кнунянц: «Всюду были товарищи по партии. Я никогда не чувствовала одиночества. И старости теперь не чувствую. Жизнь сохраняла свою красоту, многогранность и притягательность даже в самые тяжелые моменты...»

ПОДАРОК ПОДПОЛЬЩИКОВ

«Падение Вавилона» — так озаглавил свою статью главный редактор газеты «Колокол» Скарлат Каллимаки. Эту газету он издавал в тесном сотрудничестве с находившейся в подполье Коммунистической партией Румынии. Статья «Падение Вавилона» появилась 28 июля 1933 года в дни, когда шла судебная расправа над руководителями классовых боев железнодорожников и нефтяников страны.

«Проснитесь, пролетарии фабрик и полей, пролетарии пера и мысли! — призывал «Колокол».— Объединяйтесь и идите на справедливый и беспощадный бой против всесильных, руки которых обагрены вашей кровью. Час пробил. Вавилон буржуазии рухнет!»

Мне посчастливилось многие годы быть близким другом Скарлата Каллимаки, одного из основателей общества «Друзья СССР» и создателя румыно-русского музея в Бухаресте.

Родители Каллимаки — потомки древнего княжеского рода, и Скарлата называли «красным принцем». В наших многочисленных и долгих беседах в Бухаресте в его доме на улице Авиатор Мэрэшою, 7, и в Москве (он часто посещал нашу страну) Скарлат Каллимаки рассказывал о том, как он стал революционером, коммунистом. «В нашей борьбе,— вспоминал он,— мы опирались не только на революционное учение марксизма. Мы брали в союзники книги великих писателей-мыслителей. Особенно популярен был Лев Толстой. Его книги до Румынии чаще всего доходили через Францию, где уже были изданы все его произведения. Когда же нам удавалось получать подлинные фотографии Толстого,— мы считали это самым настоящим праздником». Одну из редких фотографий Льва Николаевича Каллимаки обещал мне показать, правда, если ему удастся ее отыскать.

В 1970 году Скарлат Каллимаки приехал в Москву, к сожалению, в последний раз. Вспомнив о своем обещании, он посетовал, что не может показать ту фотографию Толстого. Во время скитаний по тюрьмам и лагерям в дом Каллимаки не раз приходили жандармы, учиняли обыски, и Скарлат спрятал фотографию «яснополянского пророка», да так и не смог ее найти.

Скарлат Каллимаки.

Александр Сахия.

История этой фотографии такова. Был у Скарлата Каллимаки большой друг, единомышленник, боевой журналист, писатель-коммунист Александр Сахия (именем Сахии сейчас в Румынии названа центральная студия документальных фильмов). После установления дипломатических отношений между СССР и Румынией, в 1934 году, Александр Сахия посетил СССР и написал правдивую, восторженную книгу о Стране Советов. За эту книгу власти Сахию преследовали, как и Скарлата Каллимаки за издание газеты «Колокол».

Друзья часто вместе обсуждали новости, полученные из-за рубежа материалы, снимки. И однажды Сахия принес другу фотографию, которая произвела ошеломляющее впечатление: «Я увидел Льва Толстого через несколько секунд после смерти в Астапове. Это был только что заснувший бог!— вспоминал Каллимаки.— Фотография эта переходила из рук в руки, а потом Сахия подарил ее мне в годовщину Октябрьской революции. Мы тогда в подполье обязательно в день Великого Октября, дарили друг другу что-нибудь в знак нашей веры в грядущую революцию».

Недавно в Бухаресте я встретился с сыном Каллимаки Дмитрием. И он пригласил меня в уже знакомый мне дом № 7 на улице Авиатор Мэрэшою. После страшного землетрясения 4 марта 1977 года дом восстановлен, отремонтирован и выглядит точно так же, как при жизни Скарлата Каллимаки. Больше всего от землетрясения пострадала библиотека. Книги были завалены обломками битого кирпича, осколками стекол... Спасая редчайшую библиотеку отца, Дмитрий и его жена Родика перелистывали буквально по страницам книги и обнаружили в старом фолианте фотографию, которую «красный принц» никак не мог найти. «Отец рассказывал вам о ней и обещал показать,— говорит Дмитрий,— и я рад, что могу теперь выполнить его желание».

Я взял в руки фотографию Льва Николаевича Толстого в первые минуты после кончины на станции Астапово. На обратной стороне фотографии размашистым, знакомым мне почерком Александра Сахии выведены слова: «Дарю эту фотографию с дружбой и любовью выдающемуся социальному борцу (бывшему когда-то принцем) Ал. Сахия». И дата — 7 ноября 1935 года.

Сорок пять лет находилась эта фотография в бумагах «красного принца» Скарлата Каллимаки. Его сын Дмитрий вручил ее мне с просьбой передать музею Л. Н. Толстого в Москве.

Феодосий ВИДРАШКУ

Лев Николаевич Толстой.

Астапово, 7 (20) ноября 1910 г.

ПРЕДСЪЕЗДОВСКИЕ РАЗДУМЬЯ

ПЯТИЛЕТКА ВДОХ

Ал. РОМАНОВ

Она не приходит к нам, она окружает нас — рукотворная красота всей нашей удивительной жизни, проникнутой героикой нашей революционной истории, беззаветной преданностью миллионов людей преобразующему мир коммунистическому началу.

Красота содеянного советским человеком в предельно короткий исторический срок в эти дни всеобщего воодушевления, связанного с подготовкой к XXVI съезду Коммунистической партии, поистине волнует и заставляет стремительнее биться все честные сердца.

Все более ясные и зримые черты приобретает образное отражение этой красоты в искусстве: в скульптуре, живописи и архитектуре, в театре, музыке и кинематографе, в телевидении, народном творчестве и художественной самодеятельности. Олицетворением этой красоты стали гигантские заводы, сельскохозяйственные комплексы, университеты и школы, музеи и библиотеки, столичные дворцы культуры и сельские клубы, стадионы и парки. У подножия памятников народным героям в любой день и в любое время года лежат живые цветы. И в сознании каждого советского человека вновь и вновь звучат проникновенные слова Леонида Ильича Брежнева о красоте нашей жизни и о значении художественной литературы и искусства и для современников и для грядущих поколений:

«Талантливое произведение литературы или искусства — это национальное достояние. Мы хорошо знаем, что художественное слово, переливы красок, выразительность камня, гармония звуков вдохновляют современников и передают потомкам память сердца и души о нашем поколении, о нашем времени, его треволнениях и свершениях».

Пятилетие, прошедшее после XXV партийного съезда, сообщившего мощные творческие стимулы в нашей художественной жизни, было поистине созидательным и в сфере искусства. В созданных за эти годы новых произведениях социалистического реализма нашли образное отражение и самый процесс величайших экономических, социальных и культурных преобразований, осуществляемых по планам партии, и самый характер советского человека — строителя нового общества, смелого первопроходца и закаленного борца, и порожденное советским образом жизни морально-политическое единство двухсот шестидесяти миллионов умов и сердец.

Идеи и темы, сюжеты и образы, конфликты и характеры лучших произведений советского искусства правдиво отражают объективный мир, наш образ жизни, нашу историю и действительность. Именно этим во многом объясняется и полученное ими признание советских людей, высокая степень их воспитательного воздействия. Силой художественного обобщения в них переданы характеризующие время теории, суждения, чувства, устремления, вкусы и настроения.

Такого рода качества, несомненно, присущи созданным за эти годы замечательным творениям выдающихся советских монументалистов-скульпторов и архитекторов. Как убедительно они подтверждают, что только тот художник может рассчитывать на творческий успех, на народное признание, кто дышит накаленным борьбой воздухом, чьи творения пронизаны политической атмосферой жизни! В Ленинграде — это монументальный комплекс в честь героической обороны города в 1941 и 1943 годах и разгрома немецко-фашистских войск под Ленинградом в 1944 году. Авторы этого комплекса С. Сперанский, В. Каменский, М. Аникушин и другие его творцы сумели передать в бронзе, мраморе, бетоне, мозаике, живописи дух героической эпопеи сопротивления жестокому врагу. Столь же выразителен мемориальный ансамбль-памятник «Линия обороны» в Новороссийске — творения В. Цигаля, Я. Белопольского, В. Хавина, Р. Кананина. Глубочайшее волнение вызывают также новые памятники борцам революции: во Фрунзе, в Иванове, в Поти...

Большое впечатление оставляет памятник В. И. Ленину в Ташкенте, созданный Н. Томским, памятник мыслителю древности Садриддину Айни в Душанбе — его создали О. Эльдаров, А. Агаронов и Р. Каримов; памятник Таммсааре, авторы которого Я. Совэс и Р. Лууп запечатлели на века вдохновенный облик эстонского писателя-классика.

В советском изобразительном искусстве наиболее значительные по содержанию и мастерству произведения живописи и графики вызваны к жизни поразительными явлениями повседневной советской жизни. В каждом таком произведении выражена общественная позиция его создателей, верных исторической правде, принципам реального гуманизма, народности и партийности в наиболее дееспособных их проявлениях. Немало удачных работ появилось в последнее время в жанре портрета, с которым связано образное отражение духовного мира человека в условиях развитого социализма.

Необычайно высокой была посещаемость многочисленных художественных выставок, организованных Союзом художников СССР, республиканскими, областными и городскими организациями Союзов художников. Среди них особенно выделялись Всесоюзная художественная выставка «Слава труду!» — в Москве, а также Всесоюзная художественная выставка «По ленинскому пути». Большой интерес вызвали Всесоюзная художественная выставка «60 героических лет» и выставка художников театра и кино.

Почитателей изобразительного искусства вновь, как и в канун XXV съезда КПСС, порадовало на этих выставках не только высокое мастерство художников старшего поколения, но и уверенное вхождение в жизнь молодых художников. Состоявшиеся в этот период Всесоюзные молодежные художественные выставки «Молодость страны» (Москва, 1976 год), «Страна родная» (Минск, 1978 год), «Молодая гвардия Страны Советов» (Москва, 1978 год), Всероссийская выставка «Мы строим БАМ» (Улан-Удэ, 1979 год) и многие другие выявили немало новых имен — одаренных живописцев, графиков, скульпторов, ставящих перед собой серьезные художественные задачи и отлично владеющих кистью и резцом. Их политическая зрелость, гражданственность, их патриотические побуждения получили признание и горячее одобрение посетителей выставок и печати. Безусловно правы те искусствоведы и критики, которые считают, что создание образа своего Времени и образа советского Человека художники всех поколений связывают с созданием художественной картины движения жизни, революционных преобразований в духовном мире человека и рассматривают эту задачу как главное дело каждого истинного художника.

Тема произведения, как известно, во многом определяет его идейное наполнение. Только те темы хороши, которые питает живая жизнь, реальная действительность. Критерием оценки общественной значимости любого произведения, говорил Л. И. Брежнев, «была и остается его идейная направленность».

В минувшем пятилетии в театре и драматургии в произведениях, повествующих о нашем современнике, наметилось плодотворное сближение производственной темы с темой морально-этической.

И в каждом из сценических произведений, несомненно, разных по идейной глубине и художественным достоинствам, видна серьезная авторская позиция, отличающаяся и настроем души и собственным взглядом на те или иные жизненные явления, но неизменно близкая всем советским людям, берущая за живое, затрагивающая сердечные струны каждого.

Нельзя не сказать и о том, что именно в эти годы появились такие политически острые драматургические произведения на темы зарубежной жизни, как «Интервью в Буэнос-Айресе» Г. Боровика, «Мгновения истины» А. Лауренчюкаса, «Третье поколение» Н. Мирошниченко, и что были инсценированы во многих театрах и прочно вошли в репертуар лучшие произведения художественной прозы, принадлежащие перу М. Шолохова, Ю. Бондарева, М. Алексеева, В. Распутина, Ч. Айтматова, В. Быкова, Г. Бакланова, Б. Васильева, В. Тендрякова, В. Шукшина.

В сфере музыки, несомненно, поднялось на ступеньку выше композиторское творчество и исполнительское мастерство. Прославленные композиторы и дирижеры, пианисты, скрипачи и виолончелисты старшего поколения и музыкальная молодежь демонстрируют подлинное разнообразие творческих устремлений. Многие музыкальные сочинения, появившиеся в последние годы, ощутимо свидетельствуют об идейной зрелости, одаренности, высоком уровне мастерства их авторов, о правильном понимании преемственности и развития традиций. В этих сочинениях находят свое выражение духовная мощь нашего общества, его богатейший эстетический потенциал, неодолимое стремление советских людей к красоте, укреплению мира.

Кто слышал третью симфонию и скрипичный концерт Т. Хренникова, Пражский концерт Д. Кабалевского, Четвертую симфонию Г. Канчели, хоровой цикл Г. Свиридова «Пушкинский венок», вокально-поэтическую симфонию А. Петрова «Пушкин», наконец, Олимпийскую симфонию Ю. Левитина, тот не может не оценить по достоинству идейных и нравственных устремлений композиторов, эту музыку написавших. Встречи с такой музыкой не проходят бесследно, не забываются.

Не менее значительны гуманистические тенденции и особенности музыкального языка в таких замечательных явлениях последнего времени, как оперы О. Тактакишвили «Похищение луны», Э. Оганесяна «Давид Сасунский», оперетта Кара Караева «Неистовый гасконец», как балеты А. Эшпая «Ангара», К. Молдобасанова «Материнское поле», Т. Хренникова «Гусарская баллада», Р. Щедрина «Чайка», К. Молчанова «Макбет», Ф. Амирова «Тысяча и одна ночь». Думается, что весь их строй, вся их образная структура направлены на возвеличивание Человека, на обогащение его духовного мира.

По идейной насыщенности, тематической значительности, глубине проникновения в жизнь в ногу с действительностью шел и наш кинематограф. За минувшее пятилетие было создано 749 полнометражных художественных и 6500 документальных, научно-популярных и мультипликационных фильмов. Среди вышедших за эти годы картин немало таких, которым обеспечено заинтересованное внимание зрителей и завидное долголетие.

В десятой пятилетке на экран вышли четырехсерийные художественные фильмы Ю. Озерова «Солдаты свободы» и А. Сахарова «Вкус хлеба». Разные по темам

НОВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА

и творческому почерку создавших их режиссеров и сценаристов, они, тем отраднее, должны быть отнесены к числу картин, получивших заслуженно высокую оценку. Хорошо были приняты также «Кентавры» В. Жалакявичюса, «Восхождение» Л. Шепитько, «Несколько интервью по личным вопросам» Л. Гогоберидзе, «Соната над озером» Г. Цилинского, «Ранние журавли» Б. Шамшиева, «Наапет» Г. Маляна, «Аты-баты, шли солдаты» Л. Быкова и другие.

Но зрители хотят, чтобы наше кино вносило радость образного познания жизни в каждый дом, в каждую семью, облагораживающе воздействовало на человека; в особенности на молодежь.

Тем не менее более значительными в истекшем пятилетии представляются нам успехи документального и научно-популярного кино.

Созданная под художественным руководством выдающегося мастера советской кинодокументалистики Романа Кармена двадцатисерийная киноэпопея «Великая Отечественная» поистине открыла миру историю доблестного сопротивления советского народа гитлеровскому нашествию, беззаветный патриотизм наших людей, стойкость, мужество, героизм народа.

Среди созданных в минувшем пятилетии документальных картин с особой признательностью их авторам хочется назвать «Повесть о коммунисте» И. Бессарабова и А. Кочеткова, «Письма из тайги», «Серебряный рельс» и «Поезд номер один» В. Трошкина, «Девятую высоту» И. Калининой и М. Литвякова, «Личную ответственность», «Шаги истории» и «Великую армию труда» Б. Рычкова.

Нельзя не отметить в этой связи ряд блестящих кинолент на международные темы, созданных нашими кинематографистами. Среди таких кинопроизведений особо выделяется остротой разработки темы фильм Л. Замятина и Л. Махнача «Этот «свободный» мир».

Теперь уже каждому честному человеку хорошо известно, что в понятии «свободный мир», широко используемом для маскировки капитализма, источающего кровь и грязь из всех своих пор, скрыт величайший обман эпохи. Леонид Замятин и Леонид Махнач сделали весьма удачную, впечатляющую попытку вскрыть корни этого обмана миллионов людей буржуазной пропагандой. Бесправие, безработица, безнадежность, страх перед завтрашним днем — таков он, этот «свободный мир». Моральное опустошение, бездуховность, нравственное вырождение, восемьсот миллионов не умеющих ни писать, ни читать — и это он, «свободный» мир. Жестокость, насилие, кровь на мостовых и трупы, трупы, трупы — таковы его неотъемлемые признаки, тщательно маскируемые теми, кто сумел выжать золото из пота, плоти и крови трудового народа и заполучить власть.

Профессиональные клеветники, которым ненавистны духовные ценности социализма, высокооплачиваемые лжецы, лишенные любых признаков совести и чести, готовы на все. Пусть все наши люди посмотрят фильм «Ложь и ненависть» (сценарист Б. Антонов, режиссер А. Максимов) — достоверный, убедительный телевизионный кинодокумент, созданный творческим объединением «Экран». Пусть посмотрят фильмы Е. Вермишевой «Кампучия: народ, который хотели убить», «Репортаж с границ Вьетнама», «Война окончена, борьба продолжается»; фильмы В. Кассиса, Л. Колосова и Е. Кузина «Расплата за предательство», М. Каюмова, В. Латифи, Х. Халил «Афганистан: революция продолжается», И. Свешниковой «Заговор против республики»...

Все эти фильмы — о нашем времени, о незатихающей классовой борьбе, о борьбе в сфере духа, в сфере идеологии. Преступные действия Центрального разведывательного управления США, различных антисоветских и антикоммунистических центров в странах Запада, наконец, сионистских организаций получают в этих лентах документальное освещение и убедительное разоблачение.

Нельзя в этой связи не сказать о том, что телевизионная кинодокументалистика в последние годы находит все большее признание у зрителей. Все более глубоким и многообразным становится воздействие телевидения на нашу общественную жизнь. Появившиеся в прошлом и нынешнем годах циклы телевизионных передач, особенно фильмы политических обозревателей А. Каверзнева, В. Зорина, В. Дунаева, Ф. Сейфуль-Мулюкова, оставляют глубокий след в сознании тех, кто смотрел их внимательно и изучающе.

Особенно примечательно то обстоятельство, что в документальном и телевизионном кино зримо ощущается плодотворный поиск в области содержания и формы, стремление к наибольшей выразительности, к более глубокому истолкованию хроникальных кадров, даже, казалось бы, с течением времени утративших свое значение.

Коммунистическая партия, ее Центральный Комитет, Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Леонид Ильич Брежнев постоянно напоминают деятелям искусства, их партийным и творческим организациям о необходимости поднять идейный и художественный уровень художественного творчества, глубже и основательнее разрабатывать темы, отражающие народную жизнь в условиях зрелого социализма.

Для того, чтобы плодотворно работать в советском искусстве, художнику необходимо прежде всего воспитать в себе коммунистического борца, который в первых же своих творениях мог бы раскрыться как беззаветно преданный народу и партии человек, смелый и взыскательный творец художественных ценностей, для которого образцом были бы Николай Тихонов и Константин Федин, Шостакович и Уланова, Эйзенштейн и Пудовкин, Погодин и Вишневский, как и другие прославленные мастера советской культуры.

Мастерство — плод трудолюбия и идейной убежденности. Профессиональное мастерство человек совершенствует всю свою жизнь. Истинным талантом руководит неодолимая потребность соучастия во всей жизни страны, горячее стремление к обогащению духовной жизни своего народа.

Время и опыт убеждают нас в том, что какие бы силы ни были ухлопаны на изобретение формальных новаций, они не прибавят и мизинца к славе советского искусства, если они не помогают раскрыть душу народа, создавшего свое свободное социалистическое государство и свой, одному ему присущий образ жизни, если надуманность и нарочитость в показе теневых сторон быта советского человека составляет основу таких новаций.

Нельзя умолчать и о том, что в театре, к примеру, режиссерские поиски броской театральной формы нередко вступают в противоречие с требованиями эстетического вкуса и содержанием произведений. Отступления от художественной правды, конструирование кривых зеркал ведут к искажению типических обстоятельств времени, народного быта, характера героев. У нас много прекрасных театральных художников, подлинных мастеров своего дела. И можно только пожалеть, что усилиями некоторых их коллег с театральной сцены иной раз исчезают живописные декорации и все чаще в оформлении тех или иных спектаклей, даже в столичных театрах, наблюдается неоправданная упрощенность или увлечение замысловатыми конструкциями, далекими от разыгрываемого действия.

А в кино, этом самом массовом и любимом народом искусстве, к глубокому сожалению и разочарованию зрителей, все еще появляются и такие картины, которые вроде бы претендуют на значительность, но при ближайшем рассмотрении содержат мелкие и просто ничтожные жизненные истории. Невыразительные кадры, пожухлые краски, быстро гаснущие мелодии, сколько ненужного, бесполезного реквизита! Как воздушные шарики на большой высоте, на какую их заносят иные критики, такие киноленты обычно исчезают быстро и бесследно.

Остается только пожалеть, сколько сил и энергии в театре и кинематографе еще уходит на показ житейских пустяков, бессодержательных бытовых сценок. Взятые сами по себе, эти сценки, может быть, и любопытны и дороги их авторам, но зрителям они давно уже не нужны. Люди живут большими идеями века, их волнуют события, происходящие на главных направлениях общественного развития. И искусство наше не может и не должно уклоняться от художественного воплощения важнейших тем современности.

Как много прекрасных творений возникает в памяти, когда думаешь об этих больших задачах нашего искусства, о немеркнущих традициях нашей художественной жизни!

Помните ли вы песни военных лет — «Священную войну», «Землянку», «Темную ночь», «Катюшу», «Синий платочек», «В лесу прифронтовом»? Если вы пели их в те годы, когда они прозвучали впервые, или узнали и полюбили через много-много лет после того, как они были созданы, они звучат в вашем сознании постоянно, они всегда с вами.

Доводилось ли вам слушать Седьмую и Восьмую симфонии Д. Шостаковича, Вторую симфонию А. Хачатуряна, Пятую симфонию А. Скултэ, Вторую симфонию Р. Щедрина, «Поэмы» А. Петрова? Это та музыка, которая увековечила ритм жизни военных поколений, героев фронта и героев тыла, которая запечатлела в музыкальных образах страдания, мужество, гнев и волю к победе советского человека в годы Великой Отечественной войны.

Памятна ли вам чудесная картина Александра Дейнеки «Раздолье» — наполненный свежим воздухом и солнцем, умиротворяющей лазурью и зеленью подмосковный пейзаж с группой загорелых девушек, бегущих от реки вверх по косогору? Если вы видели эту картину в оригинале или даже в цветных репродукциях, она не могла оставить вас равнодушными: столько в ней света, искренней радости и преклонения перед красотой родной природы и человека.

Видели ли вы на театральной сцене или на киноэкране «Любовь Яровую» К. Тренева, «Оптимистическую трагедию» Вс. Вишневского, «Сталевары» Г. Бокарева, «Премию» А. Гельмана? Видели, конечно, и навсегда сохранили в своем сознании и в своем сердце любовь к героям этих произведений, уверенность в том, что они жили и живут где-то здесь, совсем рядом, признательность и благодарность за их доброту, человечность, беззаветную преданность служению общенародным интересам.

«Вторгаться в практическую жизнь, помочь народу яснее понять смысл этой жизни и направление ее течения, помочь делать эту жизнь лучше, правильнее, светлее, богаче не только материально, но и духовно — что может быть важнее и благороднее?» — так говорил товарищ Леонид Ильич Брежнев при вручении ему Ленинской премии. Слова эти адресованы в будущее, адресованы всем деятелям литературы и искусства Советской страны.

ПРОВЕРЬ СЕБЯ ВРЕМЕНЕМ!

А. ЩЕРБАКОВ

Фото И. ТУНКЕЛЯ

Бомбардировщики безжалостно убивали город. Они бомбили его весь день — страшный, трагический день в конце июня 1941-го. Фашисты хотели сжечь прошлое города, хотели унизить его настоящее и отнять будущее. И не смогли ничего этого сделать...

В том грозном сорок первом были созданы первые группы патриотического подполья, ставшие вскоре грозой фашистских оккупантов. Город боролся с гитлеровцами так, что потом получил гордое право именоваться городом-героем. И после войны трудящиеся города отстроили его из развалин и воссоздали, в частности, маленький дом железнодорожного служащего, скромный дом, где в конце прошлого века проходил I съезд Российской социал-демократической партии...

Так город сумел сохранить свою историю, свое право на будущее — право, завоеванное, выношенное в мечтах и планах, выстраданное многими поколениями сильных духом, трудолюбивых, преданных великим идеям людей...

Главный архитектор Минска Юрий Пантелеймонович Григорьев показывает на пирамиду папок, занявшую едва ли не треть его письменного стола.

— Проблемы. Документация. Переписка. Исследовательский материал... Вот строительство метрополитена; зоны отдыха и физкультурно-оздоровительные очаги; упорядочение использования городских земель...

Главный архитектор рассказывает, как трудно разрешать насущнейшие проблемы. Немного сначала странно: кажется, теперь все должно складываться проще, чем, скажем, в первые послевоенные годы. Тогда люди жили в бараках, подвалах разрушенных домов, в землянках; способный двигаться трамвай встречали как чудо света; терпеливо ждали, когда в городе восстановят электростанцию, водопровод...

Сегодня иные сложности. Вместе с уровнем жизни растет не только объем требований, но и уровень их. То, что вчера даже не обсуждалось, не взвешивалось как ближайшая цель, сегодня стало неотложным. Мало того: время и от людей требует большей, чем прежде, степени компетентности, более высокой профессиональной культуры, большей дальновидности и большего, если хотите, риска.

Как же оценить с этих позиций десятую пятилетку в жизни белорусской столицы?

— Возможно, стоит подчеркнуть, — говорит главный архитектор Минска, — что наш город один из самых компактных в стране. И мы стараемся и впредь будем стараться сохранить эту компактность. Ведь рост городов стремителен, а чем он стремительнее, тем дороже каждый квадратный метр земли. Следовательно, мы должны его рациональнее использовать.

Конечная цель всех наших усилий — удобство людей. Кому хочется тратить время на дальние переезды, испытывать на себе бестолковую разбросанность учреждений, магазинов, мастерских? Удобство, рациональность архитектурных и строительных решений, эстетический облик создаваемого — вот во имя чего развивался город в десятой пятилетке. Теперь можно оценить, что из этого получилось.

...Уже довольно давно город расселяется в основном по микрорайонам. Многоэтажные дома. Характерно стремление сохранить вокруг что-то из ландшафта — для глаз, для души, для поэтичности бытия, дать что-то взамен тихих садов на исчезающих улицах, уютного мира старых двориков, торжественной пышности ухоженных палисадников. И еще характерно желание придать красоту жилым массивам, чтобы не так давила неизбежная стереотипность массовой застройки. Красоту создают оригинальный колорит больших панно, украшающих стены основных зданий в массиве, сочное оформление детских площадок, цветовое решение деталей, составляющих дом. Вполне современно смотрятся микрорайоны «Зеленый луг-5», «Восток», «Масюковщина».

Программа строительства, разумеется, не ограничивается жильем. Недавно открыли кинотеатр «Москва», гостиницу «Планета», появился новый, но уже популярный в городе крытый рынок, Дворец культуры железнодорожников, крупнейший в республике универмаг «Беларусь» и самый большой в городе универсам на улице имени Сурганова...

Город старательно, добросовестно и, я бы сказал, с радостным азартом готовился к XXII летним Олимпийским играм. С нетерпением ожидался приезд спортсменов, туристов, журналистов на футбольный турнир... Мало этого, у белорусских спортивных баз «Стайки» и «Раубичи» сложилась завидная репутация первоклассных мест для тренировок — гостеприимных, со щедрым сервисом. Несколько сборных команд изъявили желание готовиться к Олимпиаде под Минском. Белоруссия, естественно, пошла навстречу. «Стайки» к долгожданному лету обновились, принарядились, усовершенствовали свои спортивные сооружения, всю систему обслуживания спортсменов. Реконструировался также центральный стадион «Динамо», преобразились его окрестности. Олимпиада прошла, а сделанное осталось как еще одно подтверждение тому, что город умеет жить разносторонне и современно.

Метрополитен в белорусской столице задуман давно. А первую подземную трассу повели в десятой пятилетке, в следующем пятилетии по ней пойдут поезда. Городу с почти полуторамиллионным населением и перегруженным транспортом метрополитен с каждым днем нужен все острее.

...В конце сентября собралась очередная сессия Минского горисполкома. На ней сообщили: за четыре с половиной года строители сдали в эксплуатацию 57 тысяч квартир общей площадью 3,3 миллиона квадратных метров. Город пополнился за это время 30 общеобразовательными школами, детскими дошкольными учреждениями на 15,3 тысячи мест. Почти четыре тысячи коек прибавилось в фонде здравоохранения. Там же объявили, что за успехи в проектировании и строительстве большая группа специалистов Минского производственного объединения индустриального домостроения и института «Минскпроект» удостоена премии Совета Министров СССР.

— В нынешнем году, — продолжает свой рассказ Ю. П. Григорьев, — истекает срок действия принятого в 1965 году Генерального плана развития города. Новый, разработка которого сейчас завершается, рассчитан на тридцать — тридцать пять лет. В нем предусмотрено решить целый комплекс экономических, социальных, архитектурных и строительных проблем с учетом всех сторон нашей жизни — непрерывного совершенствования трудовых процессов, структуры и организации народного хозяйства, быта и отдыха горожан. Имеется в виду создание крупных научно-технических комплексов, коренное изменение системы улично-дорожной сети, сооружение общественных центров в жилых районах. Забота о сохранении и улучшении лесопарковой зоны, зоны отдыха вокруг Минска (здесь нелишне упомянуть о новых водохранилищах «Криница» и «Дрозды», появившихся в нынешней пятилетке) сочетается в планах с созданием целой системы новых искусственных водохранилищ, парков, скверов и бульваров. Задача единственная: улучшить условия отдыха горожан, умножить зеленое богатство Минска, дать ему больше воздуха, напоенного сочностью растений и свежестью воды. Будут созданы также физкультурно-оздоровительные комплексы, которые обеспечат полезное и приятное времяпрепровождение людям разных возрастов.

...Уйма проблем. Злободневных, настоятельно стучащихся в двери. Разнообразных, но сходящихся точно к одной цели: совершенствовать современный город. Как избежать стандарта в облике? Как наращивать темпы строительства, не жертвуя его качеством? Как строить, чтобы тысячи жильцов одного дома могли объединиться не по принципу прописки, а в стремлении формировать бытие по коммунистическим нормам и следовать интересам, увлечениям, привычкам людей? Словом, надо искать, искать, искать! Всем! Социологам и архитекторам, транспортникам и строителям, торговым работникам, ученым, художникам, медикам, бытовикам, специалистам физкультуры и спорта, коммунальщикам, цветоводам, блюстителям порядка, связистам... И еще чрезвычайно важно: приучить каждого, кто живет в городе, отвечать за его красоту, за его удобства, за его творческое беспокойство и за покой.

Минск стремится к этому. И веришь: город-герой достигнет благородной цели.

Минск.

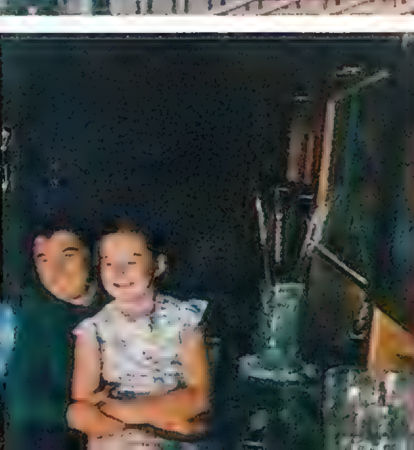
Минск. Рождается подземная трасса * Новая застройка — сама современность.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Алексей Моторный, один из лучших бригадиров - метростроевцев * Над воротами стадиона «Динамо»—символ здоровья и красоты * Наряд к лицу и дому и улице * Гостинице дали имя «Планета» * Семья строителя Анатолия Соловья * Новый загс во Фрунзенском районе.

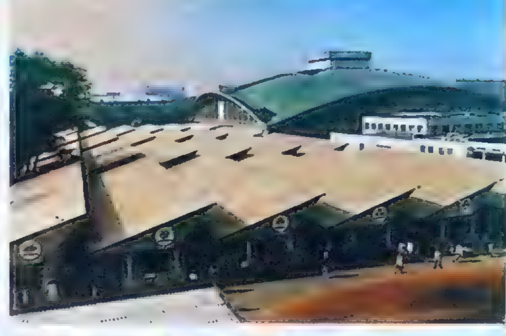

ДОРОГА — КАК СТИХОТВОРЕНЬЕ

Виктор КОЗЫРЕВ

ВЕРШИНА РОССИЙСКОГО ЛЕТА

Вершина российского лета.
Подоблачно вьются стрижи.
Цикорий в траве разогретой,
омежник у влажной межи.

Никак не могу наглядеться
на лес, на озера в тени...
И вновь бесконечны, как в детстве,
омытые грозами дни.

Рукой весенней трогая звезду,
меня полночно женщина просила:
«Люби меня, когда я вся в цвету,
не презирай, коль стану
некрасива».

А я, перебирая жизнь свою,
твердил в ответ, как думалось
иначе:
«Люби меня у горя на краю,
не презирай за поздние удачи».

Трубчевск
Брянской области.

Вагиф ИБРАГИМ

ПАВШИЕ ГЕРОИ

Чтоб с ветрами ярыми поспорить,
Уходят вглубь деревья и трава.
Чтоб выжил в стужу обнаженный
корень,
К нему защитой падает листва.

Вот так и мы по долгу сыновей
Ушли в поход июньской грозной
ранью,
Чтоб холод чужеземного дыханья
Страны родной не умертвил
корней,—

Мы, как листва, легли среди
полей
К подножью милой Родины своей.

ПРИЗНАНИЕ

Тебя обидел — сам сражен
мгновенно...
Но в тот же миг, как грянула
беда,
Затрепетала над тобою Верность,
Как ласточка, лишенная гнезда.

Меня измучит — никуда
не деться!—
Гордыня. И приду к тебе я вновь,
Ведь, как дитя, к тебе стремится
сердце,
И звук его ударов — звук шагов...

Перевел с азербайджанского
Иван САВЕЛЬЕВ.

Лариса ГОЛУБЕВА

СНЕЖНАЯ НЕЖНОСТЬ

Врываясь в наши легкие,
сдаваясь нам на милость,
снежинки были легкие
настолько, что дымились!

Прозрачные и бледные,
земли покрыли тело.
Ее тепло последнее
с их лаской улетело.

Слетелись зимней сказкою
на молодые клены,
вниз пригибая лаской
их чересчур влюбленно.
И серебром по золоту
сверкали на вершинах...
А нас пронзало холодом
от нежности снежинок!..

Вениамин МИРОНОВ

●

У наперстка чистые глазенки,
словно звезды, светятся в дому.
Шью иглою длинною и тонкой
меховые унты — куруму.

В мягких гнездах, сложенных
из меха,
белки спят. Им видятся во сне
горы свежих кедровых орехов,
что нальются спелостью к весне.

А на дне глубокой, незамерзшей
полыньи в излучине реки
спит таймень огромный.
И топорщит
розовые крылья-плавники.

Лишь она, любимая, далече.
В комнате не гасит огонька
и не спит в холодный этот вечер:
обо мне грустит издалека.

У наперстка чистые глазенки,
словно звезды, светятся в дому.
Шью иглою длинною и тонкой
меховые унты — куруму.

Перевел с якутского
Игорь ТАРАСЕВИЧ.

Николай НИКИШИН

●

Дорога — как стихотворенье:
Ложилась, словно строчки шпал.
Внезапно, словно озаренье,
Из мрака город вырастал.
И ночь на рельсы нанизала
Его огни...
И поезда
Вновь уползали от вокзала.
В иные дали, города.

В неведомые нам просторы,
Где звери, люди, голоса...
Дышали холодом озера
И одиночеством — леса.

Опять недолгая стоянка:
Глаза девчонки, тень избы...
И шаг один — до полустанка,
А может, даже до судьбы...

●

Взошла осенняя роса
Над светлым ковылем.
Луна насыпала овса
В конюшню за селом.

Я снял с ворот глухую крепь —
И конь узнал меня,
И вышел сам, и прямо в степь
Я отпустил коня.

А сумрак — синяя коса —
Срезал ковыль на след.
И с гривы падала роса,
И осыпался свет.

И дом не ведал, притушив
В ночном окне огонь,
Как уходил в степной разлив
Последний этот конь...

Нынче рано заплакали в травы
Голубые глаза вечеров...
Скоро срезаны будут купавы
Серебристой косой холодов.
Стала ярче, серебряней тяга
Тишины в дымоходе ночей.
И до времени в дреме оврага
Утонули созвездья ключей.
И дома на холме разглядели
Из-под желтых ладоней ракит,
Как на белом крылечке метели
В черной шубе разлука стоит!

Как над нашим краем вьюга
Крылья распахнула,
Так, что кру́гом вся округа
В снеге потонула!
Мечут снежную дорогу
Под себя копыта,
Вот завихрились к порогу —
И душа разбита!..
Не от горя и погони,
А к моей невесте
Я умчался бы — да кони
Не стоят на месте...

●

Играет гусей караван
Крылами на звездном баяне.
И прошлое льется в туман.
И будущее — в тумане.
Над птицами вечная мгла.
Внизу — голубое сиянье.
И плещут и плещут крыла,
Как волны земли — в мирозданье!..
Той песне, то нежен, то лют,
Баян откликается в клубе,
И кажется: бревна поют
В сосновом заброшенном срубе!..

Москва

В детском саду * Держись крепче! * Крытый рынок — отличный подарок минчанам * В новом торговом центре удобно и красиво * «Стайки» — современная спортивная база.

АВТОГРАД, ЗЕЛЕНЫЙ ЦЕХ

Н. БЫКОВ,
Ю. КОЗЛОВ
Фото А. ГОСТЕВА
Специальные
корреспонденты «Огонька»

ОТКРОЙ ДВЕРЬ В ПОЛЕ

Знаменитый автоград на Каме взят в живое кольцо распаханной земли. Собственно, поля тут были всегда, именно на полях прикамских деревень разместились семь заводов гиганта автостроения. За десять лет асфальт, бетон, а то и мрамор, металлоконструкции, огнедышащие ковши, скользящие по монорельсам, и пути скоростного трамвая потеснили не только скромные огороды, но и обширную пойменную землю, обычно занятую зерновыми и травами. В Набережных Челнах нынче живут десятки тысяч строителей, металлургов, монтажников, инженеров, служащих, работников социально-культурных очагов, живут их семьи. Более трехсот тридцати тысяч — таково население автограда.

Затевая строительство города автостроителей, одновременно продумали и систему снабжения продовольствием тех, кто строит, и тех, кто будет собирать грузовики, и вообще всех, кто будет жить в новых Набережных Челнах. Известно, что за морем телушка полушка, да рубль перевоз. На перевоз, на привоз продуктов надежда всегда зыбка, вот почему руководители будущего города с первых дней его существования всерьез озаботились задачей создания мощной агрозоны по соседству. И тут стоит сразу же обратить внимание на организационную особенность автограда. Горком партии возглавляет не только парторганизации города, но и руководит коммунистами села, тех колхозов и совхозов, которые с первого дня призваны были кормить первостроителей, а потом и стремительно растущее население комсомольского города.

Агрозона убеждает, что КамАЗ нельзя воспринимать в отрыве от забот и достижений селян-побратимов как нечто независимое, отдельно существующее. КамАЗ и его пригород накрепко связаны живыми нитями экономики. Более того, уже можно говорить вполне осознанно: в Татарии родилась необычная форма социалистических отношений между городом и селом, между горожанами и тружениками полей и ферм.

Агрозона — это останки припортового избяного поселка Набережные Челны, старая деревня Новые Гардали, ее околица рядом с литейным заводом, а еще тут век коротали Старые Гардали, Сарайли, Азьмушкино и — несть им числа... Трудно начинал местный трест совхозов, под началом которого оказалось более двадцати хозяйств из трех смежных районов — Челнинского, Елабужского, Нижнекамского. Сейчас в сельском районе КамАЗа тринадцать крупных хозяйств, а забот еще больше. Размах — сто километров из края в край. Сейчас это зона интенсивного земледелия, а ведь времени прошло не так уж много, лет десять от силы. Конечно, капиталовложения велики были, строили, начиная с дорог и фундаментов. Все заново. Зато сегодняшние урожаи, надои, привесы начали окупать те немалые, хорошо продуманные, а главное своевременные затраты. В том числе и затраты на технику и удобрения.

Первый секретарь Тукаевского (сельского) райкома партии Ю. В. Курмашев рассказал:

— Агрозону КамАЗа ваш брат журналист величает «зеленым цехом». Так вот, в нашем цехе на земле почти шестьдесят тысяч гектаров пашни, около сорока тысяч голов крупного рогатого скота. Когда-то земли было побольше, но будущая Нижнекамская ГЭС поглотила четырнадцать тысяч гектаров поймы. Я это к тому, что земли меньше стало, сильных молодых мужчин из наших деревень сманила стройка. Но наше сельское хозяйство после реорганизации одолело все потери, все объективные трудности. И, более того, пошло в гору...

О стратегии руководителей «зеленого цеха» нам рассказали в городском комитете партии.

— Создание современного автомобилестроительного производства,— говорил первый секретарь горкома партии Раис Киямович Беляев,— потребовало за короткое время превратить пригород Челнов в зону высокоэффективного сельского хозяйства. Мы уже сейчас удовлетворяем потребности своих горожан в хлебе, овощах, молоке, яйцах... Давайте вдумаемся в слова «новый город». Это не только заводы, улицы... Это и новое содержание труда, культуры, новый подход к проблемам человеческого бытия. Строим школу, значит, обязательно экспериментальную. Открываем концертный зал, значит, с фантастической акустикой. Детский сад — непременно с бассейном! Согласитесь, год был трудный для сельского хозяйства, а у нас в районе урожайность зерновых поднялась до сорока центнеров! Овощи, молоко — нет проблем! Почему? Наша агрозона — это прежде всего гарантированный урожай. Сказался индивидуальный подход к технологиям производства мяса, овощей, молока. Никакой кустарщины! Минимум ручного труда. Налажены зеленый и яично-молочный конвейеры: дойное стадо в новых механизированных комплексах, тепличные комбинаты, птицефабрика. Построим и пустим к концу года первую очередь бройлерной фабрики на двенадцать тысяч центнеров куриного мяса. Все сельские проблемы решали подлинно заинтересованно. Что площадки КамАЗа получали, то и села, нас окружающие. Что город, что село, одно дело — наш долг...

ПОД СТЕКЛОМ ЗЕМЛЯ

Ни лето, ни осень нынче не баловали хорошей погодой — и в Набережных Челнах тоже. За все время, пока мы путешествовали окрест КамАЗа, лишь несколько раз солнечные лучи прорывались сквозь низкие, серые облака, и тогда обновленно вспыхивал мир: блестели черная земля, желтые леса, свинцовая рябь Камы, бесконечные дороги, по которым неустанно движутся забрызганные грязью машины. Забегая вперед, отметим, что отличные асфальтированные дороги воспринимаются как непременное условие нормальной жизнедеятельности обширной агрозоны. Давно известно, во сколько раз усложняет бездорожье время доставки продуктов питания от производителя к потребителю. В Набережных Челнах эта проблема, очевидно, решена. Дороги, транспорт под стать автограду.

Пересекаем плоскую равнину — впереди совхоз «Весенний». От горизонта до горизонта земля словно выглажена утюгом. Ветер не встречает преград. Бесконечны поля, бесконечен дождь, бесконечен страдный день в полях. Но вот серый полог ненастья пораздвинулся, и перед нами возникли стеклянные цеха современного тепличного хозяйства. Едва переступили порог первой же теплицы и убедились: точное имя дали совхозу. «Весенний»! Глазам больно от рослой буйной зелени вокруг, почти тропически роскошных огурцов, помидоров, лука, салата...

Заместитель директора совхоза Ахмет Ахматович Ахметшин, человек немолодой, но энергичный, поведал историю тепличного комбината. На месте теплиц сеяли плохонькую пшеницу. Местная земля не могла дать ни доброго зерна, ни требуемого количества овощей. Более того, многих растений из тех, что сейчас научились выращивать в теплицах, вообще не знали в Татарии! Специалисты начали колдовать над почвой... Будущие агрономы и звеньевые отправились учиться в Москву и Ленинград. В 1975 году под стеклом были первые шесть гектаров. Тепличный комбинат обошелся в двадцать четыре миллиона рублей. Еще девять миллионов израсходовали на строительство жилья.

Сейчас под стеклом — тридцать гектаров. Их обслуживают около тысячи человек. Удовлетворяются потребности Набережных Челнов, овощи теперь отправляют даже в Бугульму, Альметьевск и другие города. В 1978 и 1979 годах совхоз награждался переходящими Красными знаменами ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ. Обязательства работников комбината — собрать с каждого квадратного метра двадцать восемь килограммов овощей. И собирают. Но есть мастера, что собирают по сорок — сорок пять килограммов!

Ахмет Ахматович увлеченно пересказывал технологию выращивания овощей на закрытом грунте. Поздней осенью все остатки растений из теплиц удаляют, меняют иногда даже почву. Теплицу ремонтируют, окуривают серой, моют, чистят. В конце ноября высаживают первую рассаду. В начале февраля собирают первый урожай: лук, салат. С конца февраля счет овощам идет на многие тонны. В апреле наливаются солнцем первые помидоры...

Чувство было такое, что речь идет о чем-то очень знакомом. В самом деле, как агрообороты в теплицах напоминают конвейер! Только там, на КамАЗе, собирают автомобили, а здесь — овощи. Там малейшая заминка аукнется на финише, на сборке, и здесь то же самое — столовые и буфеты останутся без салатов и винегретов, а кастрюли без заправки. Одна индустрия вызвала к жизни другую.

Современная промышленность опирается на современное сельское хозяйство — таков урок КамАЗа. И еще: сельский работник зеленого конвейера должен быть так же вооружен технически, как и работник промышленности. Отсюда небывалый для района годовой доход «Весеннего» — 12 миллионов рублей.

Вот, например, звеньевая Факия Хафизова держит первое место по совхозу, выращивает и собирает почти до сорока килограммов овощей с каждого метра тепличной площади. На нее работают не только свойственное ей самой прилежание, но и наука, техника — их достижения. Или бригадир комсомольско-молодежной бригады Зубайда Маллямова. Вчерашняя деревенская школьница — признанный мастер. Они двоюродные сестры — Факия и Зубайда. Другие их братья, сестры работают рядом, на КамАЗе.

— Как же плохо работать? — смеются девушки.— Родственников нужно кормить... Не окажется хоть раз зелени в заводском буфете — нам и выговаривают!.. А если серьезно, сами посудите, чем мы отличаемся от городских? Живем в том же городе, в самом центре Челнов, в совхозных многоэтажных домах. На работу ездим каждое утро на совхозном

Повторение весны.

Звеньевая Факия Хафизова из совхоза «Весенний».

Белый конвейер...

Вот какая капуста!

автобусе, на нем и домой возвращаемся. Средний заработок в совхозе превышает двести двадцать рублей. И потом, у каждой из нас была возможность выбрать дело по душе.

Покидая «Весенний», поднялись на вышку, окинули взглядом работающие круглосуточно теплицы. Тридцать гектаров... Словно волны вздымались стеклянные крыши. В близкой дали, как восклицательные знаки,— трубы и корпуса КамАЗа. Молодой город и молодые поля... Средний возраст камазовца — двадцать шесть лет. Работник пригородной зоны так же молод. Проблема кадров решается без натуги. И это еще одно свидетельство жизненности, продуманности начинания, обретшего силу опыта. Ведь социальное чутье у молодежи предельно обострено, жить на бесперспективном месте ее не заставишь. «Хорошее настроение тоже приносит вполне реальную прибыль»,— услышали мы в «Весеннем», который выполнил свою пятилетку еще 1 июня.

ПТИЧЬЕ ЦАРСТВО

Мансур Хуснуллин, директор птицефабрики, относится к той достаточно редкой категории руководителей, которые в первую голову заостряют внимание на нерешенных вопросах, на недостатках, на том, что их лично мучает. Вот и Хуснуллин в любом разговоре с нами старался идти от противного, как бы перепроверяя собственные доводы, правильность собственных мыслей по тому или иному поводу. Успехи же — а они здесь по масштабам не идут ни в какое сравнение с недостатками — Хуснуллина как бы оставляют равнодушным. И все-таки сначала о них, об успехах. В прошлом году птицефабрика продала почти сто миллионов яиц и девятьсот сорок тонн куриного мяса. А фабрика продолжает расти, строиться... Ну и что! Это все так.

Однако же, если пообщаться с Мансуром Хуснуллиным подольше, станет ясно, что равнодушие его напускное, что ли. Ведь он, Хуснуллин, пришел сюда в 1974 году, когда фабрики не было и в помине, и ее судьба — его судьба. Месил грязь вместе с рабочими, потом «запускал» фабрику, принимал и размещал в новых цехах тысячи кур-несушек, в общем, налаживал производство, поток яиц... Он измеряет успехи не цифрами, а мерой затраченного людьми труда, и поэтому ему кажется, что сегодня отдача должна быть больше!

— Здесь птицы не поют, деревья не растут,— пошутил шофер, когда мы въезжали на территорию птицефабрики. Какие песни у кур! А петухов минимум. Да и деревьям не положено расти на территории. Чтобы не садились на ветвях, не гнездились певчие вольные птицы — возможные разносчики болезней. Строг директор и пунктуален в смысле зоогигиены.

Облачившись в накрахмаленные халаты, шествуем через все залы — чистота, порядок.

Чувствуется, работают добросовестные, знающие люди. Побывали на сортировке яиц — тоже конвейер. Отсюда идет отправка яиц в город. За месяц — восемь миллионов штук! А заняты на фабрике примерно шестьсот пятьдесят человек. Они-то и пустили фабрику довольно быстро, потому что те, кто строил, остались здесь работать. Как и во всей агрозоне, работает в основном молодежь.

— Все было бы хорошо,— вздыхает директор,— но подводит плохое качество кормов. Иной раз привезут такое, что вся наша отлаженная по науке система как бы буксует. В Набережных Челнах свой элеватор. Но корма плохо обогащаются. Несбалансированность по белку — бич. Надо, чтобы в кормах было не менее девятнадцати процентов протеина, в наших... менее. А ведь мы индустрия! Представьте себе, что будет, если начнут в машины разбавленный бензин заливать? А мы уже который год на «разбавленных» кормах. Я, директор, вынужден брать на себя функции, которые мне в принципе брать не положено — функции «доставалы» и «толкача».

Можно, конечно, спорить, прав или не прав Хуснуллин, решая вопрос таким вот образом. Но его заинтересованность, неформальное отношение к делу вызывают уважение. Золотое яичко или простое — проблема старая.

У ИСТОКОВ МОЛОЧНОЙ РЕКИ

У молочного пакета — пирамиды в миниатюре — надежное основание: совхоз «Гигант». Совхоз «Гигант» — один из многих на

Герой Социалистического Труда, директор совхоза «Гигант» Н. З. Зиатдинов и гуртовщик Фазих Хайруллин.

карте агрозоны Набережных Челнов. Как и все другие хозяйства, ведет родословную с того года, когда началось строительство автогиганта. Возглавляет молочный комплекс Герой Социалистического Труда Назип Зиатдинович Зиатдинов, он первым в районе завел перспективные сорта пшеницы. Нынешний урожай зерновых по его хозяйству — сорок пять центнеров с гектара! Хваткий, грамотный специалист Назип Зиатдинович. Он уже в двадцать три года от роду был избран председателем колхоза...

Основа хозяйства — ферма на две тысячи коров. Ежегодно продают пять тысяч тонн молока. Вот что такое направленная специализация на месте стареньких прикамских деревенек. Их нет, а население, кто остался работать в «Гиганте», перебралось в центральный, новый, с иголочки поселок «Новый». Строители и посейчас еще не ушли — тут же расположен и штаб СУ-26 управления «Сельстрой». Двухэтажные коттеджи окружены цветниками. И что отрадно, люди зажили основательно. В поселке молодые фруктовые деревья, цветы, асфальтовые дорожки между домами. Да и как уехать из хозяйства, где на каждую семью предоставлена не квартира — дом! А в доме комнат иногда больше, чем членов семьи. Но это не роскошь: «Гигант» соревнуется с гигантом-автоградом. В ближайшее время тут же будет построен второй молочный комплекс — на тысячу восемьсот коров. Уже есть остов Дворца культуры, появился торговый центр, рядом заложены жилые дома, детсад на триста мест...

— Проблемы с кадрами и у нас нет,— заметил Зиатдинов.— Наоборот, люди хотят поступить к нам на работу, а мы не можем всех принять. Потому что производство молока у нас на промышленной основе, количество рабочих мест определяет не отдел кадров, а технология.

— Но ведь об этом может только мечтать любой директор совхоза!

— Во-первых, удалось добиться для хозяйства оптимальной специализации. Молоко плюс овощи... Во-вторых, люди подобраны. Если человек хорошо себя показал, даем жилье уже на второй месяц. Человек дорожит тем, что работает у нас. В-третьих, стараемся не командовать, не горлом брать, а делать все на совесть. Это относится и к людям и к агротехнике. Вносили на гектар по двадцать шесть килограммов минеральных удобрений... Курам на смех! Довели дозу до пятисот. И вот только сейчас урожай оплачивает и технику, и удобрения, и заботы. Или вот еще пример. Зимой все дороги в поле занесло, одна осталась, пришлось весь навоз с фермы на одно и то же поле возить — не пропадать же добру! Я, признаться, боялся, взойдут ли семена, не переборщили ли? А вот результат: «переунавоженное» из-за былого бездорожья поле дало семьдесят два центнера зерна с гектара! Семьдесят центнеров зерна с гектара — такова возможность агрозоны...

Страда и на фермах. Начальник комплекса зоотехник Камиль Мухаметшин сказал, что коровы телятся по графику — ежечасно. Тут же познакомил нас и с «коровьим акушером», ветеринаром Мидхатом Хашатовым. Раньше такого специалиста в штатном расписании не было. Совхозное стадо увеличивается за год на шестьсот голов. Живой поток — тут действительно поток... Старт в родильном цехе, и вот уже по соседству телята греются под специальными лампами. И так далее...

Камилю Мухаметшину двадцать девять лет, а выглядит еще моложе. Впрочем, так и должно быть: Камиль — человек, увлеченный своим делом. Такие всегда моложе своих лет.

— Я вот ходил с вами,— сказал вдруг Камиль,— и знаете о чем подумал? Именно так,— он обвел рукой сверкающие белизной стены, крашеные стойла, доярок в белых халатах,— должно выглядеть государственное предприятие.— Он выделил слово «государственное».— Не только директору, мне, дояркам нужно, чтобы коровы были подобраны, здоровы, сыты. Это нужно государству. Значит, и молоко как конечный продукт, устье молочной реки — забота общенародная. Не дадут нашему комплексу чего-нибудь — и молочная река обмелеет...

Потом мы все стояли на пригорке, среди прихваченного заморозком выпаса смотрели вдаль. Слегка прояснилось. Хлопали бичи пастухов. Рядом, через межу, расстилались ярко-зеленые капустные поля — там полным ходом рубили кочаны. Чуть дальше, за капустными угодьями, виднелся КамАЗ. Казалось, переступи поле — войдешь в город. Так оно и есть.

Никто не возьмется утверждать, что в городе Набережные Челны решены все проблемы. Но создание агрозоны на радость и потребу автограда — свидетельство того, что главные проблемы на берегах Камы решают целеустремленно и всеохватно. И оказалось, что один человек с современной «сошкой» способен удовлетворить трижды семерых с ложкой.

Сергей **САРТАКОВ**

РОМАН

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

И все-таки он пошел в назначенное время. Он приготовил себя к дружеской беседе в семейном кругу, где не запрещены и откровенные, коль есть, упреки, а дом Седельникова оказался полон гостей. Во всяком случае, кроме хозяев, там находились еще три молодые девушки и один совсем юный парнишка.

Входную дверь ему открыла Ирина. Таинственно подмигнула ему, ударила себя пальчиком по нижней, чуть выпяченной губе и шепотком предупредила:

— Не будь, пожалуйста, угрюмым. Как это: «Сотри случайные черты,— и ты увидишь: мир прекрасен!..» Что ни лицо — портрет.

Можно было согласиться с ее словами. Девушки действительно были красивы. Именно портретно красивы. У каждой во взгляде, в очертаниях губ, подбородка теплилась своя особая прелесть, та, что одухотворяет краски художника и как бы сходит затем с полотна в живой мир. Андрей не любил, избегал писать портреты, но здесь он, казалось, был готов изменить своим пристрастиям. Было что рисовать. Парнишка тоже так и просился на полотно.

Седельников поднялся навстречу Андрею, обнял его.

— Художник Андрей Арсеньевич Путинцев. Подробности не требуются,— объявил он. И обвел рукою широкий круг.— А это, Андрей, лучшие друзья Ирины. И мои, разумеется. Здесь некие подробности необходимы. Ириша, приступай.

Но Андрей уже знал: не будет желанного ему разговора. Так, пустая болтовня за столом. А он станет молчать. Вернее, отмалчиваться. Потому, что эти красавицы, конечно, постараются перед ним блеснуть своим умом и знаниями в области искусства. Не зря же Седельников провозгласил для них столь торжественно: «Художник». И добавил, уже для Андрея, что это лучшие друзья Ирины. Н-да, устроила она капкан. Ведь знала, знала, почему он избегает ее домашних вечеров. Что за бессмысленная жестокость?

А Ирина между тем называла своих подружек:

— Надюша. Надежда Григорьевна. Врач-терапевт, точнее, кардиолог. Сказать, Надюша, что ты пишешь стихи?

На ладонь Андрея легко ложились, без пожатия, тонкие белые пальцы Надежды. Пытаясь скрыть волнение, она глядела чуточку в сторону, и крохотные золотые сережки, впившиеся в розовые мочки едва прикрытых волосами ушей, казалось Андрею, ей причиняли острую боль.

— Какие там стихи, Ириша! Пустяки. Так, для себя. А на вашей выставке, Андрей Арсеньевич...

Он ничего не слышал. Потому что именно это сегодня он не хотел слышать. Он шел сюда для другого разговора.

— Света. Светлана Кирилловна. Радиоинже-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 34—44

НЦОВЫЙ
НУМЕНТ

нер. Вся в музыке. И вся не такая, я вся иная, я вся из блесток и минут», как сказал поэт.

— Андрей Арсентьевич, мне так хотелось... И я рада...

Вот эта не отводит взгляда. Необорот, так и тянется к нему. Черные подбритые брови, кремнисто-черные глаза и полные накрашенные губы. Вдруг ослепительный ряд крупных плотных зубов. И тихий, поддразнивающий хохоток.

— А это Зина. Зинаида. На отчестве можно споткнуться — Варфоломеевна.

— Зовите по имени,— попросила Зинаида.— А остальное я когда-нибудь сама расскажу. Биография у меня простая, но и замысловатая. Как и отчество.

Голос Зинаиды был глуховатый, она то и дело отводила рукой локон светлых волос, упрямо падающий на лоб, на глаза, и как-то вся сжималась, точно бы ее охватывала зябкая дрожь. Неведомо почему у Андрея к ней шелохнулось чувство жалости. Зинаида чем-то напоминала ему Галину в час расставания с нею.

— Андрей Арсентьевич, а я Виктор. Мне отчество свое, по годам моим, перед вами и называть неловко. Рисую. Много рисую. Да только перспектива никак не удается, все плоско выходит, будто у древних египтян.

Этот парнишка, пожалуй, и вправду одержим искусством. Хотя пора бы ему в таком случае познать законы перспективы и самому, не надеясь на поучения «знаменитого» художника. А Ирина прекрасная хороша — подобрала букетик, все до единого цветочки разные. В чем же тут смысл? Она-то ведь отлично знает «законы перспективы». Какой тяжелый предстоит ему вечер!

— Друзья мои,— серьезно сказала Ирина,— Андрей Арсентьевич пришел усталый. Можно понять его: художник всегда работает и не работать не может, его мысль, его душу постоянно и неотступно теснят живые образы. Они неумолимы, от них на время можно отвернуться, отдохнуть, но совсем освободиться от них нельзя. Да и не надо. Тогда не станет художника. Но просто человеческое человеку ведь тоже иногда необходимо. Даже художнику. Потому что иначе в художнике не станет человека. Давайте запретим себе сегодня разговоры о мастерстве Андрея Арсентьевича, о выставке его рисунков и картин. И сделаем этот вечер просто вечером отдыха. Будем петь, читать стихи, танцевать, слушать музыку.

Она говорила, все время поглядывая на Андрея, говорила — он это чувствовал — с искренней заботой о нем. Но ее слова сейчас казались ему продолжением лекции, сухими формулировками, откуда-то заимствованными и обращенными не к отдельным людям, ее хорошим давним друзьям, собравшимся здесь, а к обширной безликой аудитории. Задуманный ради него Ириной спектакль не удавался с самого начала. Потому что без его игры, вернее, без подыгрывания другим, ничего не получится.

И честнее всего было бы ему тут же извиниться и уйти. Но как? Ничего не объясняя? И тем самым нанося этим хорошим людям — хорошим же, конечно, очень хорошим!— жестокое оскорбление. А объяснить? Как? Все начиная от Адама? Его даже Ирина и то не поняла, не понял до сих пор по-настоящему и сам Седельников. Разве поймут остальные? И лицо Андрея против воли становилось все более хмурым.

Надо было что-то решать. И немедленно. Потому что слова Ирины, обращенные ко всем, касались только его одного. Надо было... Но Андрей по-прежнему еще не знал, что он сейчас скажет. Непослушен был не только его язык, нема, беспомощна была его мысль. Взглядом своим он был готов испепелить Ирину. И долгая пауза — в одну-две секунды — грозила стать взрывом.

Выручил Седельников.

— Ириша, ты всегда права,— сказал он, вступая в круг между Ириной и Андреем.— Но лучше бы без всяких предисловий. Свои же люди. А что касается Андрея, им незнакомого...

— Знакомого!— воскликнула Светлана.— Кто же не знает Андрея Арсентьевича!

— Исправляю. Что касается Светы, и Нади, и Зины, ему незнакомых,— да, да, еще и Виктора,— знакомство отлично состоялось бы и за столом, без всяких торжественных церемоний. Андрей, ты согласен?

Он не смог ответить, что не согласен.

А Светлана уже захлопала в ладоши, требуя внимания, и «вся из блесток и минут» устремилась к пианино. Взяла один аккорд, другой, помедлила и быстро заиграла какой-то веселый этюд. Остановилась, через плечо оглянулась на Андрея — не угадает ли он композитора?— не дождалась ответа и вновь опустила пальцы на клавиши.

— Брамс. Вариации,— теперь сама объявила она.

Потом были Григ, Шопен и Рахманинов. Потом, аккомпанируя самой себе, она спела жалостно и проникновенно: «Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат...»

И вечер вступил в назначенное ему мудрейшей Ириной русло.

Стесняясь, с залитыми румянцем щеками, перебирая тонкими пальцами длинную снизку костяных белых бус, Надежда читала стихи. Свои:

Ищу порой я отраженье
Минувших дней, минувших лет,
Ищу в мгновенности движенья
Того, чему названья нет.
   Ищу в далеких перевалах,
   Которым недоступен свет,
   Ищу на обомшелых скалах...
   Ответа нет, ответа нет.
Брожу одна, вдали от дому...
Не лучше ль жить без дум и бед,
Присущих страннику такому?
И отвечаю трижды: нет!
   Пусть не легки мои дороги,
   Пусть скрыта мглой моя звезда.
   Не будут судьи очень строги,
   Когда скажу: я знаю мало,
   Но я найду, что я искала.
   Найду, найду. И навсегда!

Читала Тютчева, Баратынского, Фета, Есенина. Ей дружно аплодировали, она очень красиво читала. С душой, сливаясь вздрагивающим, нервным голосом с теми словесными образами, которые ей открывались в стихах. Но каждый раз Надежда умоляла:

— Не надо, перестаньте. Я не артистка. Когда мне аплодируют, мне тяжело читать. С небес тогда я падаю на землю.

И Андрею подумалось: правильно. Но долго ли профессия врача, а затем различные житейские заботы позволят ей витать в небесах? Не слишком ли она отрывает себя от земли? Доверчивые глаза, тонкие пальцы. А жизнь временами сурова. «Брожу одна, вдали от дому...» С чего бы такие мотивы? Ей будет нелегко. Она не Ольга

Седельников между тем выбрал и поставил на диск патефона пластинку с модным еще «Офицерским вальсом».

— Потанцуем немножко. Не то я что-то грустить уже стал.

Тотчас образовались пары. Андрей не успел и слова вымолвить, сказать, что не танцует он, совсем не умеет, как возле него появилась Светлана. Почти силой заставила его положить ей руку на талию и закружилась сама, закружила Андрея, ловко успевая убирать носочки лаковых туфель от тяжелой, неуклюжей поступи своего партнера.

— «Ночь коротка, спят облака, и лежит у меня на ладони незнакомая ваша рука»,— подпевала она. И все теснее припадала к Андрею, дыша ему в лицо теплым запахом ландышей.

Ирина танцевала с мужем, а Зинаида с Надеждой. Виктор смирно сидел у стены.

— «...Ах, скажите мне слово, сам не знаю о чем...»— пропела Светлана. И шепотком:— Почему вы все время молчите? Я люблю, когда во время танцев мужчины разговаривают.

И Андрею захотелось ответить ей грубостью. Он, вероятно, это и сделал бы, но танец кончился, рука Светланы неохотно соскользнула с его плеча.

— К столу, к столу!— приглашала Ирина, позванивая ножом о фужеры.

Андрей облегченно вздохнул, заметив, что Ирина готовит ему место между собой и Зинаидой. Но Светлана рядом с Седельниковым оказалась как раз напротив него и то и дело теперь подавала ему глазами непонятные сигналы, словно они были с нею в давнем и тайном заговоре.

— Вы на каком фронте воевали, Андрей Арсентьевич?— вдруг спросила Зинаида, помогая ему положить на тарелку салат.

И отмахнула привычно прядь волос со лба. Андрей, вблизи, разглядел, что они у Зинаиды были не просто светлые, а с сединой. Но по годам она, конечно, была не старше его.

— На разных фронтах,— ответил Андрей.— Далек ведь путь до Берлина. А что, вы тоже воевали?

— Немного. И недолго,— сказала Зинаида.— А спросила я вас по нынешнему обычаю: искать друзей-однополчан. Хотя в прямом смысле однополчанами мы, конечно, быть и не могли.

— Зина — военный летчик,— вмешалась Ирина.— Из женского полка бомбардировочной авиации. Да на семнадцатом вылете оказалась подбитой. С падением на занятую врагом территорию.

— Ира, это не предмет для разговора,— остановила Зинаида.— Андрей Арсентьевич, вам можно пирожок с капустой положить?

— Ну, если ты сама расскажешь, как обещала, так предмет,— настаивала Ирина.— Ты обещала?

— Да, обещала, но с оговоркой «когда-нибудь потом». И собственно, нет ничего особенного. Кто воевал, тот знает: чего-чего только на фронте не случается.

— Э, нет, Зинуша,— подал голос Седельников,— такое, как у тебя, не часто случается.

Светлана ревниво поморщилась, плечом навалившись на Седельникова. Сделала ручкой: вот еще о чем затеяли спор.

— Хотите, я новый анекдот расскажу?— заявила она.— Умрешь со смеху. И притом совершенно стерильный. Надя подтвердить может.

— Ничего я не могу подтвердить, не знаю, о каком анекдоте речь идет,— отозвалась Надежда.— Но знаешь, Света, тебе дежурство у автоклава я не доверила бы. Боюсь, и этот анекдот ты раньше положенного времени из него вынула. И зачем сбивать Зину?

— Пожалуйста!— вспыхнула Светлана. И сердито надула крашеные губки.— Она же сама отказалась!

— Тогда по праву старшего я беру слово,— сказал Седельников, легонько отстраняя Светлану.— Андрей, ты читал «Трех мушкетеров»? Ты веришь, скажем, в д'Артаньяна? В его способность из любой драки выходить невредимым? Так наша Зина — как раз такой д'Артаньян.

— Алексей Павлович, совсем не из любой, а только из одной драки,— поправила Зинаида.— Собственно, в манере «Трех мушкетеров» настоящая драка у меня всего один раз и была.

— Короче...— начала Ирина

— Короче всех я сама расскажу,— перебила Зинаида.— Раз уж вынудили. Самолет наш ero-

зался в лес и разбился. Я одна осталась жива. Слышу: немецкие голоса. Люди бегут. Ну, я ползком, ползком туда, где тихо. Скрылась. А далеко ли до линии фронта и в какой стороне он от меня, представления не имею. Ночью по звездам направление определила. А нога левая непослушна. Опять больше ползу, чем иду.

— Сильный ушиб,— вставила Надежда.

— На вторые сутки к утру добралась. А линия фронта — это линия фронта. Щелочку в ней не просто сыскать. Меня же дважды два обнаружить могут. Станет светло — и конец. Пошла на прорыв. Себе сказала: на смерть. Потому что другого выбора все равно нет.

— А оружия при ней всего пистолет и кинжал,— выкрикнул Виктор.— И позиции немецкие не в одну же ниточку.

— Ну рассказывай, Зина, рассказывай,— торопила Ирина.

— Да, собственно, и все. Рассказывать больше нечего. Прорвалась.

— Но как?— вступил Седельников.— Я же не зря припомнил д'Артаньяна. Когда она расстреляла все патроны, стала действовать кинжалом. Очень хотелось немцам захватить ее живой. А она ушла. В последней схватке от четверых отбилась. Зина, подробности?

— Не помню. Не помню. Не было никаких подробностей,— быстро проговорила она.— А если уж д'Артаньян, так сам он подробностей тоже никогда не рассказывал.

— О нем Дюма рассказывал,— опять выкрикнул Виктор.— Во всех подробностях.

— Ну пусть Дюма и тут рассказывает. А мне нечего. Дайте мне... вон там лежит печеная картошка, кажется?

И после этого пошел обычный застольный разговор. Надежда еще почитала стихи: и свои, и Некрасова, и Есенина. Светлана спела «Шотландскую застольную» и все же рассказала свой действительно стерильный анекдот. Но вовсе не смешной. Хохотала она только одна. Андрей отмалчивался. Ирина озабоченно поглядывала на него.

— Ты очень измучен?— прошептала она.— И недоволен?

— Да, я измучен,— признался Андрей откровенно.

Стали прощаться. Виктор вызвался проводить Надежду. Седельников объявил, что проводит Зинаиду. Она отказалась.

— Всегда хожу без провожатых.

Светлана мягко почти прошептала:

— А нам ведь с вами по пути, Андрей Арсентьевич?

Ирина ей погрозила пальцем.

— С тобой пойдет Алеша, поскольку он оказался свободным. А я с Андреем. До угла. Мне надо ему сказать наедине несколько слов.

— Наедине?— грозно вопросил Седельников. И, как бычок, шутливо боднул ее головой.— Смотри, Ириша!

11

Они стояли на углу, как раз там, где начинался недавно разбитый по генеральному плану застройки города сквер, уже взявшийся крупной молодой листвой. Пахло землей, примоченной только что пролетевшим коротким дождичком. А небо вновь было чистое, и ночные звезды светились ярко, словно вымытые.

— Выходит, я поступила глупо? Тебе никто не понравился,— сказала Ирина.

— Мне все понравились,— возразил Андрей.— Особенно Светлана Кирилловна.

— Иронизируешь?

— Нет. Она вся на виду. А я не любитель разгадывать загадки.

Ирина усмехнулась. Откинула носком туфли маленький угловатый камешек.

— Ну насчет Светланы ты это, пожалуй, точно. А чем же Надя и Зинаида для тебя загадочны?

— Для меня загадка — ты. Зачем ты меня обманула, устроила этот спектакль? Хотя, кажется, и это не загадка.

— Андрей! Но ведь надо же с чего-то начинать! Да, да, я обманула. Иначе бы ты не пришел. Но нельзя же тебе, теперь известному художнику, на всю жизнь оставаться... каким-то дикарем. Или оригиналом. Чудаком. Дураком, наконец. Жизнь есть жизнь. С такими же обязательными законами, как и в искусстве. Я знаю, негласно принято считать, что настоящий художник, великий талант, гений, обязательно должен быть с «сумасшединкой», со странной и трагической судьбой. Не знаю, гений ты или нет, но для меня ты — Художник. И я не хочу, чтобы ты оказался с «сумасшединкой», а тем более со странной, трагической судьбой.

— Спасибо, Ирина! Я тебе очень многим обязан. Если не всем. Но того, что ты сделала для меня, уже вполне достаточно. Лишнее по законам искусства самый страшный враг.

— Не меньший враг — незаконченность. Андрей, пойми, художнику необходима женщина. Так, как необходима ему душа. Чувство прекрасного. Чувство полета в неведомое. Островок счастья, отрады, когда кругом бушуют бури. Андрей, поверь, только женщины создают судьбу мужчине. Тем более художнику. Тем более хорошему художнику.

— Не беспокойся, Ирина, моя судьба в моих руках. А женщины уже пытались мне ее создать. И кое-что в ней действительно создали.

— Имеешь в виду меня?

— Нет, не тебя. Хотя и тебя, конечно. Но говорил я о других. Не надо больше этого касаться.

Ирина долго молча разглядывала звезды. По ту сторону сквера прошелестела по гравию покрышками запоздалая автомашина. Исчезая за поворотом, коротко посигналила.

— Нам надо все же друг друга понять,— наконец сказала Ирина.— Ты можешь, Андрей, мною пренебречь, моими стараниями. А я тебя оставить не могу. Потому что знаю, без меня тебе станет хуже. Без меня или без другой женщины. Вот Зинаида...

— Сватовство?

— Не глумись!— оборвала Ирина.— Вот Зинаида. Ее военный подвиг оценен самой высокой наградой. Она не любит об этом говорить. Но еще более не любит, когда ее спрашивают: не страшно ли ей было. Зинаида — человек долга. Он для нее превыше всего. И, значит, слову своему она никогда не изменит.

— Я так и понял ее,— сказал Андрей.— И очень ценю в человеке такие качества. Очень хочу, чтобы жизнь ее сложилась счастливо и чтобы она создала кому-то хорошую судьбу.

— Но не тебе?

— Не мне. Я уже повторял тебе это.

— Зина — воспитательница в детском садике. Малыши, в том числе и мои девочки, ее любят без памяти. А дети удивительно прозорливый народ.

— Если бы я был малышом, и я полюбил бы Зинаиду Варфоломеевну без памяти. Это серьезно.

— Что же, принимаю. Ты слушал стихи, которые читала Надежда. Ее стихи очень несовершенны. И подражательны. Но в них видна ее душа. Уверяю, в ней нет никакой позы, искусственности. Надя действительно вся в исканиях какого-то высокого идеала. Он смутно виден ей, он далеко, но он в ее представлении существует. Вспомни, какой у нее выбор и других поэтов. А Надя по специальности врач. Очень земная профессия. Без романтики. Исцеление хворых... Ах, если бы всегда исцеление! Болезни сердца чаще всего неизлечимы и только прогрессируют в своем развитии. Надя врач еще совсем молодой, но, говорила она, смертей уже видела так много, что у самой сердце от скорби готово остановиться. И все-таки она светла, понимаешь, светла. В ней обаяние веры в жизнь. Это немного парадные и стертые слова, но Надежда тот человек, который бестрепетно, если нужно, отдаст свою жизнь ради спасения жизни другого. Не знаю, простит ли она мне, если я сейчас одну ее тайну открою, которой она доверительно поделилась со мной.

— Не открывай, Ирина,— строго сказал Андрей.— Этого уже я тебе не прощу.

— Нет, нет,—отмахнулась Ирина,—это не какая-то женская «тайна». Кажется, я вообще неточно выразилась. Речь-то идет как раз о тебе. Надежда не твой лечащий врач. Но она побывала в твоей поликлинике и тщательно изучила твою историю болезни. Как кардиолог, которая уже защитила кандидатскую диссертацию и теперь готовит докторскую. Ее в ряде сложных случаев приглашают на ответственные консультации. Это была ее заочная консультация, потому что знают же все врачи, как трудно тебя затащить в поликлинику.

— Значит, не ее, а моя тайна открыта, и, понятно, не без твоего участия,— насмешливо сказал Андрей.— Ну, тут секрет, кажется, небольшой. Драмы из этого делать я не стану. А что же определил будущий доктор медицинских наук?

— Андрюша, ничего особенного. Но... Скажи, отчего, при каких обстоятельствах скончался твой отец? В твоей истории болезни это почему-то не записано.

— Отец?— слегка недоумевая, переспросил Андрей.— А какое это имеет отношение к моей истории болезни? В Чаусинске врач, помню, тогда сказал: от разрыва сердца. И это, наверно, так. Он потрясен был известием о гибели Мирона, моего брата.

— А дед твой? Тебе ничего не известно о причине его смерти?

— Н-нет... Хотя, припоминаю, в семье был разговор... Скончался он тоже скоропостижно.

— Ну вот. А Надя пересмотрела все твои рентгеновские снимки и все твои кардиограммы и определила: пуля, застрявшая у тебя близ сердца, не главный твой враг. Хотя и очень опасный враг, безусловно. У тебя наследственный порок сердца. Надя сказала: странно, что этого никто из врачей ни разу не констатировал. А между тем внимательное изучение электрокардиограмм давало бы повод для таких предположений.

— И что же следует из этого?— с досадой спросил Андрей. Разговор о болезнях становился все более ему неприятен.

— А следует, Андрюша, то, что с возрастом этот порок будет усугубляться, прогрессировать, вплоть до критических форм. И пуля «в сердце» вот тогда уже станет ему могучим союзником. И еще следует, что Надя этим очень обеспокоена. Потому что при умелом систематическом лечении процесс развития болезни можно значительно замедлить. А при небрежном к этому отношении — ускорить.

— Короче говоря,— медленно произнес Андрей,— Надежда Григорьевна, так я должен это понимать, готова посвятить свою жизнь спасению моей жизни. И я обязан принять такую жертву?

— Не знаю, Андрей, не знаю. Ты ничего не обязан. И Надя, может быть, совсем не готова приносить себя в жертву, потому что это страшное слово. Но я подумала — и сегодня в особенности,— какой хороший человек Надя.

— Ирина, ты вслух сказала то, что я подумал.

— Понимаю. Тогда, по-видимому, излишне говорить, что если бы ты был Рембрандтом, то Светлана могла бы стать твоей Саскией.

— А потом еще чьей-нибудь. Даже при жизни Рембрандта,— жестко сказал Андрей. Его обожгли слова Ирины. Вдруг всплыли в памяти почти такие же слова, только отрицая в нем Рембрандта, а в себе Саскию,— слова, какими убивала его любовь Ольга.

— Не смей!— вскрикнула Ирина.— Светка темпераментна, суматошна, экстравагантна, но не ветрена. Для нее если любовь — так пылкая, горячая любовь. Кровь у нее не рыбья, но, клянусь тебе, Светлана — однолюбка. И она влюблена в тебя, в твой талант.

— Последнее вполне возможно. Только не знаю, почему ей надо было при этом строить мне глазки,— сказал Андрей.— Но я боюсь, что Алексей давно уже вернулся, проводив Светлану Кирилловну, и теперь размышляет, на каком же углу он должен искать меня с тобой.

— Он знает, я надежна, не потеряюсь, и, если сильно задержалась, стало быть, нужно, и, стало быть, в этом только ты виноват.

— Принимаю вину на себя, хотя не я был зачинщиком всего этого.

— А я признаю, что очень и очень ошиблась. Но когда ты готовил свою выставку...

— Не я — мы готовили!

— ...ты, кажется мне, видел в Ирине Седельниковой честного друга и относился с доверием к ее советам.

— Так было. И так всегда будет, Ирина! Обещаю тебе.

— Но только что, вот здесь же, ты назвал меня обманщицей, а вечер в нашем доме — спектаклем.

— Прости, я это сказал сгоряча. Но я не мог же перенести, что ты, именно ты, Ирина, устраиваешь для меня, как бы помягче назвать, ярмарку невест, что ли!

— Да, да, теперь и я вижу... Но мне и Алексею казалось, что это будет вечер просто первых знакомств, от которых ты всегда уклонялся, а эти девушки — очень хорошие девушки. И не могу же я все время быть над тобой опекуном...

— Я это отвергаю! Опекуном ты не была.

— ...а когда, кто знает по какой причине, я оставлю тебя одного, ты все равно не останешься один. Андрюша, художнику необходимо чудесное, божественное вдохновение, художнику вдвойне нужна и земная преданная любовь. Женщина. И я не хочу, чтобы ею стала случайная женщина. Без души, без любви к тебе.

— Можешь не тревожиться, я всегда буду один. И это будет прекрасно.

— Не будешь один, Андрей, не будешь. В этом и вся беда моя. И это самый тяжелый конец нашего разговора.

— Вообще? Навсегда?

— Нет, почему же. Только сегодня. А я терпелива. И настойчива. Ты это знаешь. Спокойной ночи!

Ночь для Андрея не стала спокойной. Он пробовал ложиться в постель и тут же поднимался. Брал книгу, но черные строчки без смысла плыли перед глазами. Рассматривал последние свои рисунки и слышал раздумчивый голос Ирины: «Вот здесь бы, пожалуй, надо было поправить».

Он перебирал в памяти течение минувшего вечера, и холодный рассудок ему доказывал, что все было жизненно, но искусственно. По-человечески. И люди, эти три девушки, действительно очень хорошие. Но он к ним — тут в спор вступало сердце — совершенно равнодушен. Он никогда никакую из них не полюбит. Так же, как не полюбят и они его. Потому что любви не существует. Утверждения Ирины ложны. Она все время оберегает его одаренность художника. Она наивно думает, что Надежда, Зинаида, даже экстравагантная Светлана способны жертвенно оберегать его талант, любя при этом человека. Найдется другой талант, выше его таланта, или иной человек с более заманчивыми для обыкновенной хорошей жизни способностями, и любовь женская перейдет к этому другому, как очень здраво и разумно перешла она у Ольги от Мирона к от него, Андрея, к «начальнику транспортного управления».

Довольно думать об этом. Надо подумать об Ирине, об этом честном друге. Как оберечь ее доброе имя от возможных сплетен. Ведь всем же бросается в глаза ее энергичное вторжение в дела какого-то там художника. А Ирина — жена первого секретаря обкома партии.

Сама Ирина при расставании дала понять, что продолжать свои заботы о нем ей тяжело. Ведь это ее слова: «...когда, кто знает по какой причине, я оставлю тебя одного...» Что они значат? Подсказ: не он ли прежде должен ее оставить? От нее, как от друга, отказаться?

Да, вот тогда он действительно окажется одиноким, как сам же задиристо заявил Ирине. Это сказать, не думая, было легко. И безответственно. Потому что это неправда, что он вполне удовлетворен своим одиночеством. Несколько дней, проведенных без общения с Ириной, ему уже непереносимы. Он ждет ее телефонного звонка, ее прихода. Ему нужен ее совет, ее зоркий глаз, который видит изъяны в его рисунках и картинах и подмечает малейшие перемены в его настроении. Он от нее научился и разговаривать, острей и свободней строить фразы, включаться в любой диалог, извлекая из кладовых своей памяти то примечательное, что отложилось из множества прочитанных им книг.

Андрей мысленно поставил в ряд всех женщин, с которыми пересекались его житейские пути, и все они словно бы растворились в тумане, выделились только в жестком резком рисунке Ольга и Женя. Потом и они исчезли. Но возникла Ирина. Круглолицая, с высокими и тонкими, неодинаково приподнятыми бровями, чуточку лишне выпяченной нижней губой и, временами, когда она внимательно во что-то вслушивалась, быстрым и частым миганием век с длинными, ненаклеенными ресничками. Она хмурилась, она улыбалась, становилась задумчивой, мечтательной и вновь строгой, требовательной, решительной в действиях. Она жила в его воображении. Она неотступно теперь находилась перед ним. Андрей пытался отвернуться, стереть в сознании ее лик. И не мог. Не было силы.

Взгляд Андрея упал на большой лист ватмана, лежащего на столе. И тотчас на нем обрисовались глаза Ирины, проступили мягкие очертания рта. Андрей схватил угольный карандаш. Он знал, что сейчас, если именно сейчас он возьмется и не оставит свою работу, пока не доведет до конца, он напишет не портрет ее, а живую Ирину. Ту, которую он оставить не может, от которой он никогда отказаться, как от друга, не сможет.

Текли ночные часы. Шуршал угольный карандаш на бумаге, и один за другим летели в корзину испорченные листы ватмана. Ирина под рукой мастера получалась живой, но он еще не чувствовал на своей щеке ее дыхания. И надо было снова работать и работать...

Он сказал сам себе: «Закончено»,— когда в окно упал горячий луч солнца. Суеверный Андрей прикрыл рисунок чистым листом и придавил тяжелой книгой. Еще раз посмот-

рать на живую, дышащую Ирину он побоялся. Надо на какое-то время с нею расстаться. Она сказала, прощаясь: «Спокойной ночи!» Была ли эта ночь для него «спокойной»? Да! Иного спокойствия он и не хочет. Если бы у него были такими, как сегодня, все ночи!

Теперь, пожалуй, можно и уснуть. Или хотя бы просто полежать. Щемило сердце. Что это, подтверждение «исследований» Надежды Григорьевны, прогрессирующее развитие болезни?

В дверь постучали. Письмоносица Валя подала Андрею утреннюю почту. Сказала с сожалением:

— Сегодня только девять.

Она привыкла — в первые дни после открытия выставки — носить Андрею письма целыми ворохами. Гордилась этим. Словно бы растущий успех художника становился и ее личным успехом.

Да, писем в этот раз было немного, но три конверта сразу привлекли особое внимание Андрея. И он на какую-то долю минуты заколебался, который из этих конвертов вскрыть первым. Он выбрал с обратным адресом — от Юрия Алексеевича.

«Дорогой Андрей Арсентьевич,— уже нетвердой рукой писал ему старый искусствовед,— случился у меня на днях с визитом, по давней дружбе, Роман Васильевич Суздалев. Тот самый, что в центральной прессе достойно оценил Ваши рисунки. Он сожалел, что по какой-то нелепой причине он с Вами не повстречался, не познакомился лично. Однако великолепная информация о Вашем жизненном пути, которую он получил от образованнейшей супруги секретаря обкома, главной устроительницы выставки, позволила ему в своей статье не наделать существенных ошибок в том, что касается Вашей биографии. Если это не так, он приносит свои извинения.

Радуюсь. Радуюсь триумфу Вашему, в надежде, что он Вам не закружит голову, и в законнейшем предположении, что Вас теперь из родной Сибири и клещами не вытянешь. И в этом есть великий смысл: развивать культуру повсеместно, а не стягивая ее созидателей непременнейше и побыстрее в первопрестольную.

Но всякое правило возвышенно лишь тогда, когда к нему приложимы и возвышенные исключения. И в таком рассуждении вот что я хотел бы Вам, дорогой мой, сообщить: одно из весьма солидных московских научных издательств намерено обобщить в капитальнейшем атласе, состоящем, разумеется, из многих томов, все, что было разбросано ранее по разнопрофильным книжицам. А тема: «Фауна и флора СССР». По географическим зонам (вот Вам бы, скажем, Сибирь). Художественное воспроизведение пером. Но в цвете. По фотографиям и с натуры (уточнения). Сроки исполнения работы жестко не ограниченны, предположительно, десять, пятнадцать лет. Привлекается значительный круг отличных художников, но место для Вас застолблено. Оплата... Ну-с, я думаю, для Вас это вопрос второстепенный. Слава не шумная, но высочайшее к Вам уважение в ученых сферах всего мира среди соответствующих специалистов. И полная возможность при этом трудиться над заветными своими замыслами, сиречь, над «квадратурой круга» и над иллюстрацией детских книжек. Остается проблема жилья. Для Москвы это, как и всегда, острейшая проблема. И если Вы уже обзавелись многочисленной семьей — все значительно осложняется. В ином случае милости просим ко мне. Спать будете не под кроватью.

Путем переписки согласовать все детали трудновато, а посему, коли имеется такая возможность и желание, приезжайте на недельку-другую для конкретных переговоров в столицу.

Кстати, здесь Вы сумеете повидаться и с милейшим Альфредом Кристаповичем Янишем. Заходит ко мне, старику, щеголяет в генеральских погонах. Пьем чай, спорим напропалую, вспоминаем общих знакомых, а стало быть, и Вас. Почему у Вас с ним оборвалась переписка? Впрочем, не вхожу в сию деликатную область.

Преданный Вам Ю. А.»

Андрей задумался. Очень кстати пришло это письмо. Очень кстати. Предложение Юрия Алексеевича и само по себе интересно, оно открывает долголетнюю перспективу уверенной работы в самом излюбленном для него, Андрея, жанре, а главное, дает хороший повод поехать немедленно в Москву, оторваться недели на две, на три от Светлогорска.

Его томил какой-то непонятный страх перед, конечно же, возможной новой встречей с кем-либо из трех «невест» и совсем неизбежной встречи с Ириной и Седельниковым. Словно бы что-то в минувшую ночь меж ними произошло такое, после чего трудно друг другу глядеть в глаза. Андрей даже не смог бы сейчас заставить себя посмотреть на карандашный портрет Ирины, потому что портрет был все равно как и живая Ирина.

Он распечатал второе письмо, тоже из Москвы, с типографски отпечатанным на конверте длиннейшим названием какого-то учреждения, подведомственного Министерству лесной промышленности. Андрей бросил взгляд в конец письма. Довольно четкий росчерк: Н. Маков. Кто же это? И вспомнилось: по возвращении с фронта первая ночь в Светлогорске, гостиница, седоватый сосед по койке в номере на двоих, ужин всухомятку и энергичная защита Маковым сибирского кедра. Завязался тогда разговор и о «свинцовом человечке».

Теперь Маков писал, обращаясь к Андрею сухо «товарищ Путинцев», с извинениями, что он запамятовал отчество, а только по имени называть—фамильярно. Суть же письма заключалась в том, что он-де, Маков, поднял на ноги всю геологоразведку, заставил их перетряхнуть все архивы, повстречался со многими специалистами по свинцовым рудам, побывал в отделах Госплана, в Совете Министров у весьма компетентных и ответственных лиц, и должен с огорчением сообщить молодому товарищу: всеми рассказ его принят как блеф, как совершенно ни на чем не обоснованная легенда. В тех пространствах сибирской, в частности Ермантетской, тайги, где якобы отлит был «свинцовый человечек», руды соответственной нет и быть не может. Категорически: не может. Организовать там контрольный поиск, ревизовать давно и тщательно проделанную работу — все равно что пытаться ставить в колодцах сети с надеждой вытащить крупный улов океанской сельди. Таков окончательный приговор. И он, Маков, был вынужден ему подчиниться. И далее спрашивал: что намерен предпринять в таких обстоятельствах «товарищ Путинцев», продолжает ли он верить рассказу, вернее, выдумке своего отца...

Но дочитав до конца, Андрей скомкал письмо Макова. Легенда это или не легенда, но для него священны слова отца. Даже если в той жестокой тайге, из которой отец едва выбрался живым, «нет и не может быть» свинцовой руды, все равно в ней где-то находится «свинцовый человечек» — высокая проба совести. Отца до конца дней мучил этот «человечек», пусть мучает он и его, Андрея. Ему не надо поднимать на ноги «всю геологоразведку», перетрясать архивы и консультироваться у весьма компетентных и ответственных лиц, чтобы начать сложные поиски, его «свинцовый человечек» здесь, при нем. И если уж на то пошло, можно и из колодца вытащить косяк океанской сельди. Не для продажи. А для себя.

Третье письмо, пересланное из редакции газеты, совсем ошеломило Андрея. Писал Владимир Дудко.

«Андрей! Путинцев! Ну, понимаешь, развернул я газету, глазам не поверил, читаю статью какого-то Суздалева. Она — о тебе. Все сходится, фамилия, имя, художник. Ты ведь и тогда, в госпитале, рисовал. Или не ты? Все равно отзовись. Разве что стал знаменитым и не захочешь. Что мне о себе рассказать? Из тех ребят, которые были с нами в одной палате, куда девались, не знаю, только знаю Виталий Асин убит. А я теперь инвалид второй группы, весь засыпан осколками мины. Сапером был. И подорвался. Это уже когда мы по Венгрии шли. Ордена имею. Есть и две солдатские Славы. А медалями вся грудь завешана. В праздник надену, звенят. Женечка обязывает надевать, говорит, пусть, кто в тылу отсиживался, не на лицо твое, осколками изрытое, а на ордена и медали смотрит. Да. Могло бы и совсем на клочки разнести, такая доля саперская.

Живу сейчас хорошо, прямо сказать счастливо в своем маленьком городе в Курской области. Правда, от прежнего города ничего не осталось, все разбомбили проклятые, теперь заново строится. Но уголок есть, тепло, пенсию получаю, немного и прирабатываю, подметки приколачиваю, а в общем семья, сказать так, со мной считать — четверо, на Женечкиных плечах лежит. Вот бы кому грудь орденами завешать, а она только медаль «За доблестный труд» получила. Как и другие. Ею в больнице не нахвалятся, стала уже старшая медсестра. Могла бы при ее уме и на врача выучиться, но, говорю, семья. И я мало чем помочь ей по дому могу, натуживать себя тяжестями мне нельзя. Не зря инвалидность, вторая группа. Иной раз думаю, ну куда бы я, если не Женечка, родная моя красавица. В бога не верю, а не иначе бог мне ее послал, как в старину верили.

Тыловую тяжкую жизнь моей золотой Женечки описывать не стану, а в тылу она осталась потому, что война-то началась при ее беременности. Иначе, ну — она бы сразу кинулась тоже на фронт, в самое пекло. А разрешилась,— и спустя какое-то время все же в военный госпиталь тыловой поступила. Сердце обязывало. Быть тоже в солдатском строю и делить с солдатами ранеными боль и горе.

Хотел мало, а гляди, расписался. Говорил Женечке, а что, давай все гуртом махнем по адресу, через газету узнаем, к Андрею. Она тебя очень помнит. Понимаешь, это к тебе без подозрения, сознаюсь, я потом по дням все вычислял, но когда ей пришлось сыну — моему сыну — имя давать, назвала она его Андреем. Так мне и на фронт написала. Без объяснения. А я сам догадался. Да чего уж — любила. Но второго сыночка, годик как родился, назвали уже Владимиром. Так вот, не пожелала ехать к тебе Женечка, начисто отказалась, сказала, нет, если захочет, пусть сам приедет. Приезжай.

Твой друг Владимир Дудко».

Всплыло в памяти сразу все. И умелые, ласковые руки Жени, когда она делала ему перевязки, и хвастливые, сальные рассказы Дудко о ней, и слезы Жени, и ее наполненный отчаянием поцелуй, и дорогая записная книжка, инкрустированная серебром, и, наконец, давнее письмо Владимира Дудко, в котором он нецензурными словами разудало описывал достоинства молодой жены, письмо, которое Андрей тогда отшвырнул от себя с таким же отвращением, как сейчас письмо Макова. Дудко счастлив. И Женя... Тоже счастлива?

У нее два сына: Андрей и Владимир. И жизнь продолжается. Но ведь любви-то никакой и не было и нет. И тот поцелуй не был любовью. Или был? Почему же тогда она так поспешно вышла замуж за Дудко?

А сердце щемило, щемило. Пуля давит? Или «наследственность» сказывается? Андрей растер грудь ладонью. Стало немного полегче. Хорошо бы, пожалуй, и полежать. Не надо думать сейчас ни о чем, кроме работы. Приляжет на минутку — и сядет вновь за свои рисунки. Вот только следует ли ответить Юрию Алексеевичу? Дудко? Макову?

В конечном счете, Маков — деловой, одержимый, с государственным мышлением ученый. Нанесенное им оскорбление можно простить. Оно неумышленно. И вежливость обязывает поблагодарить.

В выдвижном ящике стола Андрей отыскал маленькую книжку, инкрустированную серебром. Он в ней делал только самые важные и дорогие для себя записи. А свободные листочки убывали и убывали, «шагреневая кожа» неумолимо сжималась. Оставалось всего два чистых листка. На одном из них Андрей написал крупно: «Женя — очень хороший человек», а последний листок вырвал. Рука потянулась к коробке спичек,— сжечь его, подтвердить себе самому, что теперь «шагреневая кожа» полностью исчезла. Но в последнее мгновение Андрей передумал.

«Ирина,— написал он на этом листочке,— по неожиданно возникшему для меня обстоятельству я сегодня уезжаю в Москву. Когда я вернусь, и вернусь ли, не знаю. Рассказать подробно, посоветоваться с тобой просто нет ни минуты времени. Извини. Передай мой сердечный привет Алексею».

Поставил в конце одну букву — А. Но помедлил и твердо добавил: Путинцев.

Продолжение следует.

С. Гуецкий. СМОЛЬНЫЙ. 1917 ГОД.

Г. Савинов. ПЕРЕД ШТУРМОМ

Е. ЛУЦКАЯ

НАУЧИ МЕНЯ, ПЕСНЯ

Ансамбль «Дзуку Дайна» вместе со своим руководителем Х. Поташинскасом.

Фото А. Йоцавичюса

— У нас сегодня очень ответственная репетиция. Завершаем работу над программой. Здесь несколько новых произведений. Построить их надо контрастно и передать эту контрастность непосредственно пением. Прошу встать, но не по стойке «смирно», а свободно, пластично. Вы же, все шестеро,— изящные, славные женщины. Публике должно быть одинаково приятно смотреть на вас и слушать... Прошу — динамично — начало песни «Мы любим Родину» Новикова. Пойте так, будто никогда эту песню раньше не исполняли, забудьте о том, что она известна в Литве. Помните только, что песня всем очень нравится,— она про свое, близкое, родное. Запев и второй куплет пойдут в темпе замедленном, лирическом, а рефрен выдержим в форме быстрого вальса. Кстати, в рефрене чей-то голос вибрировал, ну, сейчас включим магнитофон, и я проверю, кто напроказничал... Если эту песню сплошь исполнять в одном темпе, потеряются ее свежесть, красивое дыхание, а мы должны обновить произведение, вернуть ему молодость. И это вполне достижимо! Предупреждаю, что концерт у нас особенный: мы поем в клубе санатория «Дайнава» — поздравляем с почетным званием заслуженного врача республики Елену Кряучюнайте... А теперь я посмотрю, насколько вы преуспели с «Терцетом» Баха. Знаю, знаю, сейчас начнется паника: наша Шестакаускене будет цепляться за свою ненаглядную Онуте в поисках моральной поддержки... Стоп! Стоп! Не волнуйтесь и не форсируйте ничего! Нельзя. Это же классика в абсолюте! Включите магнитофон, послушайте сами. Ну как? Слышите?.. Надо еще работать и работать... Теперь выключите. И запомните: ничего не выйдет, если будете бояться технологии, вечно думать: «Как я возьму эту ноту, а как ту возьму?» Осваивайте технику так, чтобы суметь словно перешагнуть через нее, чтобы уже самый процесс пения доставлял вам настоящее удовольствие. Что сказала Ируте? «Никогда не думала, что мы так плохо поем!..» Да, магнитофон вам комплиментов делать не будет: это документ. Но я надеюсь, что вы не впадете в уныние, а сделаете необходимые выводы из услышанного... Притом я вижу, что вы устали; давайте поработаем сидя. Споем Лекока. Вспомним, что это гавот, чисто французское изящество, грация, если угодно, даже легкомыслие. Легче, легче пойте — надо петь не «капиталом», а «процентами»!.. Хорошие моменты есть и тут и в «Розе»; впрочем, «Розу» надо петь так, чтобы публике слышался даже аромат цветов: эта вещь у Меркаданте поистине благоуханная... Ну-с, хорошо. Вижу, что замучил вас. Сейчас — перерыв. Отдохните как следует, а потом хочу поработать с вами над «Лебедем» Сен-Санса и еще послушать, как подвигается «Вечерняя песня» Моцарта... Ну, отдыхайте!..

Маэстро тоже устал. А шестеро его подшефных солисток сразу же начали шуметь, словно отпущенные с уроков школьницы. И сейчас, во время краткого перерыва, я вдруг увидела, до чего же они все разные. Красивая, спокойная, замкнутая Зита Камараускайте. Строгая и молчаливая Броня Минелгайте. Добродушная Леокадия Семашкене. Беленькая, ребячески-застенчивая Она Бурайте. Черноглазая — а в блестящих этих глазах так и прыгают озорные «чертики» — Ирена Шестакаускене, насмешница, задира, артистичная и подвижная: она всегда вносит разрядку в строжайшую атмосферу репетиций. И, наконец, еще одна Ирена — Руткаускене; натура открытая, эмоциональная, с таким запасом творческой и организаторской энергии, что хватит и на несколько коллективов! Но здесь коллектив — один. Это народный вокальный женский секстет «Дзуку Дайна»: «Дзукийская песня».

Здесь, над Неманом, в Друскининкае, шестеро женщин во главе с Иреной Руткаускене собирают, хранят и поют песни родного края. Те песни, что передаются из поколения в поколение, что сложены и спеты в долгие зимние вечера на посиделках и во время веселых обрядов, сватовства и помолвки, на девичниках и на свадебном торжестве. Песни, что звучат в большие праздники, и те песни, что люди поют на работе, в саду, на пашне... Каждая из шестерых певиц ездит к родным в деревню, чтобы помочь во время страды: на сенокос ли, убрать ли картошку, а возвращается с подарками и трофеями — песнями.

Многие песни получены в подарок от композитора, уроженца здешних мест Бражинскаса. Есть в репертуаре песни, аранжированные их великим земляком, известным всему миру выдающимся музыкантом и художником Чюрленисом...

Люди быстро привыкают к хорошему. И сейчас кажется, что «Дзуку Дайна», столь любимая в Литве и в России, популярная в Польше, Венгрии, Румынии, звучащая и в эфире и с голубых экранов, существовала всегда. Между тем двадцать пять лет назад она была только мечтой. Юная Ирена Руткаускене тогда привезла из родного Шяуляя, где выросла в рабочей семье, в маленький город на берегу Немана с населением немногим более двух с половиной тысяч любовь к песне.

Теперь молодой педагог музыкальной школы стала директором, а руководимая ею школа — одна из лучших музыкальных школ республики.

У Ирены прекрасные единомышленники, полные энтузиазма. Среди них Зита Галкувене, заведующая отделом культуры горисполкома. Она расскажет вам, как совершенствовался коллектив, как рос обаятельно тихий город,— впрочем, очень деловитый и энергичный... Утром все участницы ансамбля расходятся по своим рабочим местам. Чтобы их повидать, надо обойти почти весь Друскининкай. Минелгайте — инженер-плановик в комбинате бытового обслуживания; Камараускайте и Шестакаускене работают в ресторане «Нямунас»; лаборантку Семашкене и фармацевта Бурайте надо искать в санаториях. Каждая певица на своем рабочем месте трудится отлично, но если вы у них спросите, откуда берутся высокие профессиональные успехи, то они объяснят их занятиями в «Дзуку Дайна»!..

Наверное, они правы. Соприкосновение с искусством стимулирует человека, спасает его от обывательской узости, прозаического течения будней, дает заряд бодрости.

Среди энтузиастов «Дзуку Дайна», конечно, руководитель местного Дома культуры Ангеля Гедвилене. Она налаживает деятельность доброго десятка кружков, не имея специального здания (почему-то город не располагает столь необходимым ему помещением).

И, наконец, душа секстета, тот удивительный человек, чьи советы, оценки, указания мы слышали в самом начале нашего разговора,— маэстро Х. Поташинскас, руководитель «Дзуку Дайна», консультант, друг и советчик. Он, так же как и его супруга Янина Поташинскене, обладательница чистого и красивого сопрано, не может жить без музыки. Янина долго пела в Академическом театре оперы и балета Литовской ССР, а Поташинскас и по сей день — за пультом дирижера. И мне трудно сказать, какая именно деятельность доставляет ему наибольшее удовольствие. Отличнейший оркестр беспрекословно повинуется маэстро, преимущественно дирижирующему балетом, что требует особого ритмического чутья, особого понимания пластики... Ничуть не меньшее удовольствие доставляет интерпретация пианистом Х. Поташинскасом музыки романтиков; Шопен, Шуберт в числе его любимых композиторов; но не менее интересно видеть, как он пестует, шлифует мастерство шести вокалисток «Дзуку Дайна», с каким блеском сопровождает их парадные концерты-отчеты. А сами они, олицетворенное внимание и беспрекословное послушание, не сводят глаз со своего наставника.

...Зал переполнен. Объявляется очередной номер программы, посвященной главному врачу санатория «Дайнава». Для Елены Матвеевны Кряучюнайте это полная неожиданность; смущенная, растроганная, она кланяется исполнителям и аплодирующему залу. В глубокой тишине звучит знакомая плавная мелодия «Лебедь» Сен-Санса. Оказывается, «Лебедя» можно спеть:

Светлое озеро тихо спит,
Спит в очарованном сне.
Блеском луны голубой залит,
Лебедь плывет в тишине...

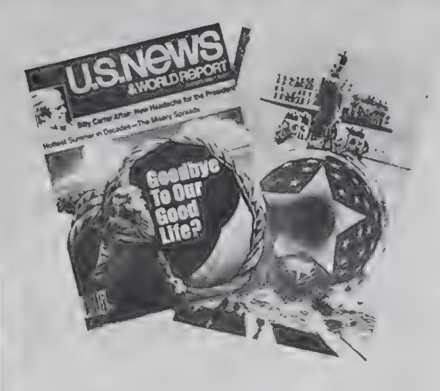
Оказывается, можно спеть и пейзаж, и тишину, и лунный свет, и озерную гладь — все можно передать голосом и музыкой.

Концерт — сочинения Сен-Санса и Моцарта, литовский фольклор, современные песни Новикова, Шаинского, Горбульскиса — прошел с подъемом и праздничностью премьеры. Снова и снова радовала взаимность творческого понимания, духовное содружество дирижера академической сцены и народного коллектива...

Если вам посчастливится побывать в Друскининкае и пройти улицей Спорто мимо здешней музыкальной школы, вы услышите стройные, свежие голоса. Знайте: это репетирует «Дзуку Дайна», готовится подарить людям новые прекрасные песни.

ДЕМОКРАТИЯ – МИф, ВСЕВЛАС

ПАНОРАМА
МЕЖДУНАРОДНАЯ
ПАНОРАМА

ГОРЬКАЯ УЧАСТЬ МИЛЛИОНОВ

Свидетельствует зарубежная пресса

БЕЛЬГИЯ. С 307 до 600 тысяч человек увеличится количество безработных в течение следующих пяти лет.

(«Файнэншл таймс», Лондон)

АНГЛИЯ. В августе 1980 года 2 001 208 человек не имели работы.

(Из официального заявления)

ФРАНЦИЯ. Из 1,7 миллиона безработных 800 000 вообще не получают никаких пособий.

(«Экономи э политик», Париж)

США. В этом году безработица может превысить наивысший в послевоенные годы уровень, отмеченный в 1975 году,— 9 процентов.

(«Уолл-стрит джорнэл», Нью-Йорк)

«ПРОЩАНИЕ С НАШЕЙ СЧАСТЛИВОЙ ЖИЗНЬЮ»

Да, именно таким заголовком снабдил первую страницу своей обложки один из недавних номеров американского журнала «Ю. С. Ньюс энд уорлд рипорт». Кто же должен проститься со счастливой жизнью, навсегда забыть о ней? Неужели предприниматели, владельцы крупнейших корпораций? Конечно же, нет. Речь идет о простых американцах — рабочих, служащих, фермерах. Ведь именно они прежде всего сталкиваются с теми сложными проблемами, которыми изобилует реальная жизнь. И журнал достаточно подробно перечисляет эти проблемы: безработица, инфляция, недостаточные ассигнования на образование и другие социальные нужды. Не называются при этом истинные виновники такого положения: крупнейшие американские корпорации, военно-промышленный комплекс. Они, владельцы этих корпораций, могут быть уверены в том, что их сейфы не оскудеют. Залогом тому — политика милитаризации экономики, которую проводит нынешнее правительство страны. Сверхприбыли принесет каждый новый бомбардировщик, ракета и эта очередная подводная лодка, оплаченная тоже, кстати сказать, из карманов простых американцев.

ВЛАСТЬ ПОЛИЦЕЙСКОЙ ДУБИНКИ

Не проходит и дня, чтобы телетайп не принес сообщений о расправах с бастующими в капиталистических странах, об арестах и преследованиях тех, кто требует уважения к элементарным демократическим правам.

Гигантская машина буржуазной пропаганды трудится денно и нощно, восхваляя «демократию» в капиталистических странах. Но вот ее подлинное лицо.

США

Так полиция Нью-Йорка встретила участников демонстрации в защиту гражданских прав.

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

Можно поразиться той «дальновидности», которую иногда проявляют полицейские чины буржуазных стран, например, Англии. Именно так, по их предвидению, должен быть экипирован британский страж порядка образца 1989 года: маскировочная одежда, под которой находится бронежилет, специальный сверхпрочный шлем, три пистолета и нож — только-то и всего! Как видно, полисмен-89 — это еще один «вклад» класса угнетателей в проблему прав человека.

ТИЕ КАПИТАЛА — РЕАЛЬНОСТЬ

ЗВЕРИНЫЙ ЛИК ИМПЕРИАЛИЗМА

Вот так, по их мнению, нужно разговаривать с народами: держа палец на спусковом крючке автомата.

Автомат или крылатая ракета — не все ли равно... Оружие всегда было тем самым средством, которое «оправдывало» грабительские цели империалистов. Ради этих целей они убивали, убивают, а теперь в дополнение к «традициям» вознамерились «быстро реагировать». Реагировать на что? На малейшую попытку народов освободиться от империалистической зависимости. Для этого — авианосцы и десантные суда с боевой техникой у чужих берегов. Для этого — напряженная работа штабов армий империалистических государств — и в первую очередь армии США — по разработке планов вторжения на территории суверенных государств. Кровь и страдания при этом не в счет.

ТОЛЬКО ЦИТАТЫ

АМЕРИКАНЦЫ О ПОЛИТИКЕ США В ОБЛАСТИ ОБОРОНЫ

«В вашингтонских коридорах власти царит безумие. Можно подумать, что доктор Стрейнджлав (зловещий персонаж из фильма Стенли Кубрика, олицетворяющий «ястребов». — Ред.) преспокойно здравствует и без отдыха орудует в Пентагоне при содействии Бжезинского, Брауна и других...».

Этель Тейлор,
национальный координатор движения «Женщины, боритесь за мир»

•

«Нам угрожают бредовые идеи, авторы которых всерьез рассуждают о том, что ядерный конфликт, если он похоронит «всего» сто миллионов американцев, можно считать «приемлемым».

Генри Стил Коммаджер,
профессор истории

«Когда американское правительство позволяет нашим гражданам умирать с голоду, оставаться без крова, терять надежду на будущее из-за ничем не сдерживаемой инфляции — тем временем тратя все новые и новые миллиарды долларов на вооружения,—оно ведет не к миру. Такое правительство ведет к войне».

Пол Мур,
епископ, глава епископальной епархии Нью-Йорка

«Иллюзия, будто нужно лишь больше денег, чтобы купить Соединенным Штатам военное превосходство, так и остается всего лишь иллюзией. Безопасность Соединенных Штатов лучше всего можно обеспечить путем поисков путей для заключения конкретных соглашений об ограничении ядерных и обычных вооружений».

Пол Уорнке,
бывший директор Агентства по разоружению и контролю над вооружениями

СЮЖЕТ ДЛЯ КОШМАРНОГО СНА

Недавно в американском городе Колумбия (штат Миссури) собрались на свой первый съезд... убийцы-наемники. Само это слово — наемник — стало синонимом бесчеловечности и неприкрытого цинизма. Никто не в состоянии представить полный перечень преступлений, которые совершали эти «люди вне закона», ради звонкой монеты продавшие то, что обычно принято называть совестью.

Но городские власти и пресса не обошли вниманием «дорогих гостей»: в их распоряжение был предоставлен фешенебельный отель «Хилтон», заплечных дел мастера позировали перед объективами в «фирменных» рубашках с надписями «Поклоняйся войне», «Счастье в убийстве»; они охотно демонстрировали свои «орудия труда» — автоматы и револьверы.

Съезд был организован журналом «Солджер оф форчун» («Солдат удачи»). Это издание, специализирующееся на откровенной рекламе наемничества, видимо, особенно дорого сердцам профессиональных убийц. «Солджер оф форчун» выполняет свои функции с завидным усердием: перед съездом он выпустил для своих подопечных специальную брошюру под весьма красноречивым заголовком «Техника устранения».

В течение трех дней «делегаты» делились друг с другом «передовым опытом»; они бахвалились своими «подвигами» во время заграничных войней, ничуть не стесняясь, называли число замученных, повешенных, расстрелянных ими людей. В залах заседаний «солдаты удачи» обсуждали планы помощи и сотрудничества со своими «коллегами», творящими зверские преступления в различных странах мира. И уж, конечно, не упустили случая продемонстрировать свою практическую подготовку: сотни убийц соревновались в «искусстве» обращения с ножом и стрельбе из различных видов боевого оружия. За деньги, разумеется,— так господам наемникам привычнее: премия «лучшему стрелку» составила десять тысяч долларов.

Пышность и помпезность, с которой был организован прием наемников в Колумбии, наводит на мысль о том, что за этим сборищем стоят весьма влиятельные силы. К услугам «солдат удачи» различные эксперты по тактике и вооружению, многие из которых находятся на государственной службе в полиции и войсках специального назначения. Среди них также, как майор М. Уильямс — «специалист» по африканским делам, и Р. Праудлон, который считается в мичиганской полиции специалистом первого класса по «выкручиванию рук».

Даже видавшие виды американцы задавали себе вопрос: каким образом стало возможным проведение такого сборища? Тем более что законодательство Соединенных Штатов запрещает гражданам страны в частном порядке за плату принимать участие в военных действиях на стороне иностранных государств. Но сейчас, в условиях резкого наращивания Вашингтоном милитаристского психоза, открытая пропаганда насилия и войны процветает чрезвычайно бурно. «Сейчас,— заявил в интервью газете «Нью-Йорк таймс» один из головорезов,— с этим делом все о'кей!»

А. СОКОЛОВ

Торонто.

**Олег ШМЕЛЕВ,
специальный
корреспондент «Огонька»**

**Фото АП — ТАСС,
А. Бочинина и автора**

«Русские «дублеры» (в буквальном переводе «замены». — О. Ш.) доминируют на Кубке мира по спортивной гимнастике» — так озаглавила свой первый репортаж с соревнований газета «Торонто стар». Этим, собственно, сказано почти все о характере борьбы среди мужчин в гимнастическом многоборье. Но в этом утверждении выразилось и еще нечто, весьма существенное. Во-первых, неверное представление о силе советских гимнастов, которая была объективно определена на Московской Олимпиаде. Во-вторых, слово «дублеры» бросало тень неполноценности на соревнования в Торонто, и тут крылся некий подвох для злопыхателей

Дело в том, что, по невысказанной, но явно лелеемой надежде некоторых околоспортивных деятелей, на торонтском помосте советские спортсмены могли потерпеть поражение, и таким образом высококлассные достижения XXII Олимпийских игр, а следовательно, и сами Игры оказались бы под сомнением. Те, кто надеялся на такой исход, жаждали, естественно, видеть побежденным абсолютного олимпийского чемпиона—Александра Дитятина, первого номера советской команды. А Дитятин буквально накануне вылета в Канаду получил довольно серьезную травму на тренировке—вывихнул плечевой сустав—и не смог участвовать в состязаниях. Отсутствовала и абсолютная олимпийская чемпионка Елена Давыдова. Это вызвало раздражение устроителей турнира. Председатель организационного комитета господин Колин Уокед, очень любезный и общительный человек, собирался даже — из тех соображений, что отсутствие Дитятина и Давыдовой снизит интерес публики,— подать протест ФИЖ, Международной федерации гимнастики, президентом которой является Юрий Евлампиевич Титов, 24 октября открывший в зале дворца «Мейпл лиф гарденс» соревнования на Кубок мира. Смысл заголовка в газете «Торонто стар» объясняет, почему господин Колин Уокед отказался от своего намерения и почему это слово «дублеры» сыграло злую шутку с теми, кто питал тайную надежду хоть в чем-то развенчать Московскую Олимпиаду. Но оставим эти непривлекательные мотивы...

Канадский спортивный зритель воспитан, можно утверждать, исключительно на хоккее. В хоккее он разбирается как самый тонкий знаток. Если что-нибудь и отличает его от нашего хоккейного болельщика, так это крайняя необъективность по отношению к соперникам своей любимой команды. Насколько популярен хоккей в Торонто, мы убедились 21 октября, когда вместе со специальным корреспондентом «Комсомольской правды» Николаем Долгополовым наивно попытались купить билеты в «Мейпл лиф гарденс» на матч между «Торонто мейпл лифс» и американской командой «Питтсбург пингвинс». Мы бы не стали этого делать, если бы прочли несколько раньше объявление в газете, где сообщалось, что все шестнадцать с лишним тысяч билетов давно проданы, и без всяких обиняков давался совет неудачникам попытать счастья у спекулянтов. Цены на билеты—от 9 до 15 долларов. Самые дешевые места — серые кресла наверху, затем идут зеленые, красные и, наконец, желтые внизу, самые дорогие. Спекулянты берут втридорога, так что это не по карману человеку даже выше среднего достатка. Но желание увидеть игру профессионалов на первенство НХЛ было столь велико, что мы обратились за помощью к тому же Колину Уокеду, и он достал нам у директора «Мейпл лиф гарденс», безмерно занятого господина Ободьяка, два пропуска в ложу прессы, расположенную под самой крышей, на высоте шестиэтажного дома.

Что сказать про матч? «Кленовые листья Торонто» победили со счетом 8:5. Знаменитых драк не состоялось. Уровень игры на удивление посредствен, хотя «Торонто мейпл лифс» возглавляет сейчас турнирную таблицу Национальной хоккейной лиги; атаки строились хаотично, о чем говорит хотя бы тот факт, что шайба трижды попадала в главного арбитра (один раз в ухо), который просто не в состоянии был выбрать верную позицию, потому что, как правило, атаки обеих команд развивались без всякой видимой логики. Заметно выделялся швед Б. Сальминг, защитник «Торонто мейпл лифс», которого советские любители хоккея хорошо помнят по матчам шведской сборной и который продемонстрировал высокий класс европейской школы игры. Как мелкую, но любопытную деталь можно отметить, что профессионалы тоже играют теперь в шлемах...

После грома и гула хоккейного матча открытие соревнований на Кубок мира по спортивной гимнастике показалось более чем скромной церемонией. Пришло лишь пять с небольшим тысяч зрителей. Среди журналистов распространился унылый слух, что Канадская федерация гимнастики, арендовавшая «Мейпл лиф гарденс» за весьма внушительную сумму долларов, понесет большие убытки. Однако, как выяснилось позже, слухи были сильно преувеличены...

Нервом соревнований стала борьба между спортсменами СССР, ГДР и Японии. Если учесть, что всего за полторы недели до этого советские гимнасты вернулись из 45-дневного турне по Латинской Америке, во время которого выступили перед восторженной публикой 39 раз, у их соперников было ощутительное преимущество. Соперники выглядели свежее — во всяком случае, до соревнований. Но у японцев имелся серьезный изъян: не пустив спортсменов на Олимпиаду в Москву, политиканы заставили их сбиться с ритма, а главное, лишили самого ценного достояния — опыта борьбы, который дают только состязания такого ранга, как олимпийские.

Что это именно так, доказал случай с ветераном японской команды Хиродзи Кадзиямой, которому по праву прочили успех. К тому времени, когда настала его очередь исполнять упражнения на перекладине, он отставал от Богдана Макуца на 0,45 очка и, в принципе говоря, мог еще наверстать упущенное. Но, вероятно, воля, ослабленная неучастием в крупнейших соревнованиях года, дала себя знать. Кадзияма сорвался с перекладины, получил очень низкий балл и в результате оказался в многоборье только восьмым. После соревнований, за кулисами, в помещении для участников, он сидел в углу на корточках и, печально покачивая головой, курил сигарету, не стесняясь, на глазах у собственного тренера...

Два советских гимнаста, те, кого газета «Торонто стар» назвала «дублерами» (что по отношению к чемпионам Олимпийских игр, мира и Европы звучит довольно опрометчиво),— ереванец Эдуард Азарян и его товарищ из Львова Богдан Макуц выступили в многоборье блестяще. Причем не надо забывать, что у Эдуарда был сильно травмирован палец руки. Все делалось легко и изящно, словно не было позади изнурительного турне по Латинской Америке. Когда у Макуца на пресс-конференции спросили, не трудно ли ему, не чувствует ли он усталости, он ответил с улыбкой: «Все нормально. Соревнования как соревнования».

От снаряда к снаряду, от упражнения к упражнению шли наши молодые гимнасты, все более увеличивая разрыв между собою и соперниками. И это ровное шествие привело Макуца на высшую ступеньку пьедестала почета, а Азаряна на вторую. Третье место с результатом 57,95 балла завоевал японец Кодзи Гусикен. Он проиграл победителю 0,65 балла — преимущество Макуца оказалось подавляющим. Только четвертым сумел стать гимнаст из ГДР, олимпийский чемпион в вольных упражнениях Роланд Брюкнер.

Второй день соревнований, 25 октября, когда на помост вышли девушки для борьбы за кубок в многоборье, успокоил устроителей турнира по части финансовой: было продано уже не пять тысяч билетов, а более одиннадцати тысяч. Торонтцы почувствовали вкус к гимнастике. Да и не только торонтцы: в зале было множество зрителей, прилетевших и приехавших в Торонто специально ради этих соревнований из ближайших и более отдаленных канадских городов и даже из сопредельных Соединенных Штатов. С субботы отели в Торонто не пустовали.

Уже за полчаса до начала соревнований коридоры «Мейпл лиф гарденс» наполнились гулом возбужденной толпы — совсем как в дни хоккейных матчей. Спортивный телеоператор, видавший, вероятно, всякие виды, в некотором недоумении остановился неподалеку от предприимчивого молодого служителя дворца, бойко торговавшего красочно изданными

КУБКИ ВЕРНУЛИ

программами, затем подошел вплотную и не погнушался запечатлеть его крупным планом. Подобного кадра оператор явно не ожидал увидеть на состязаниях по гимнастике, да еще в этом прославленном престольном храме хоккея, построенном специально для игры в шайбу и отпраздновавшем недавно свое 50-летие...

У девушек борьба получилась более упорной. Достаточно сказать, что победительницу — 17-летнюю олимпийскую чемпионку киевлянку Стеллу Захарову — отделила от занявшей второе место гимнастки из ГДР Макси Гнаук, которая годом моложе, лишь 0,1 балла. Характер у Стеллы твердый, выступает она ровно во всех частях многоборья, да и опыт кое-что значит. Стелла привезла в Канаду кубок, завоеванный ею на предыдущем розыгрыше,— не в собственных руках, конечно, ибо эта серебряная награда слишком тяжела для девичьих рук, чтобы носить ее: весит приблизительно полпуда. Но когда Макси Гнаук более четко отработает опорный прыжок и упражнения на бревне, нашим прославленным гимнасткам будет над чем задуматься...

Последний день соревнований собрал еще больше зрителей, чем второй. Зал был заполнен почти целиком. Обладатели кубка в многоборье стремились доказать, что они победили заслуженно. Побежденные желали взять реванш. Те и другие достигли своей цели, хотя это на первый взгляд выглядит парадоксально. Но ничего странного тут нет: в этот день разыгрывалось первенство в отдельных видах программы многоборья, а видов, да простится невольная тавтология, много: у мужчин — шесть, у девушек — четыре (по протоколу полагалось бы сказать «у женщин», но просто язык не поворачивается произносить это слово в применении к совсем еще юным спортсменкам).

Вот лишь технические показатели, без каких-либо зрительских эмоций.

У мужчин в вольных упражнениях победил Роланд Брюкнер, он же был первым в упражнениях на коне, а также в опорном прыжке, где вторым оказался Богдан Макуц. Макуц поделил первое место с японцами Нисики и Гусикеном в упражнениях на перекладине и с Чуном из КНР на кольцах. Соотечественник Чуна — Ли был лучшим на брусьях.

У девушек победителями стали: Стелла Захарова — в прыжке, Макси Гнаук — на брусьях и в вольных упражнениях, Елена Наймушина — на бревне...

В пятый раз проводились состязания на Кубок мира по спортивной гимнастике, и в пятый раз серебряные кубки привезены в Советский Союз. Первым обладателем кубка у мужчин был наш замечательный гимнаст Николай Андрианов, а в 1977 году он поделил победу в многоборье с Владимиром Маркеловым. Затем дважды подряд побеждал абсолютный олимпийский чемпион Александр Дитятин. Жаль, что он получил травму накануне нынешних соревнований,— победи он в третий раз (а в его возможностях наши не сомневались), кубок навсегда остался бы у него, и Международной федерации гимнастики пришлось бы заказывать мастерам серебряного литья новый сосуд. Будем утешать себя мыслью, что то, чего не удалось сделать Дитятину, осуществит Стелла Захарова, завоевавшая кубок вторично.

Хозяева турнира выступили слабо, и это не их вина: как уже сказано, спортивную жизнь Канады определяет хоккей, а иным видам спорта уделяется второстепенное внимание. Следует надеяться, что прошедшие соревнования, несмотря на отсутствие той особой праздничности и приподнятости, к которым мы привыкли на подобного рода турнирах, подогреют интерес спортивных деятелей Канады, как разогрели они в конце концов сердца всех, кто сидел на трибунах «Мейпл лиф гарденс» в те октябрьские дни.

Торонто, Канада.

Стелла Захарова исполняет упражнения на бревне.

Богдан Макуц.

СЬ ИЗ ТОРОНТО

ГОСТИ «ОГОНЬКА»

Недавно гостями редакции журнала «Огонек» была группа болгарских писателей и журналистов во главе с председателем Союза болгарских писателей Любомиром Левчевым, в состав которой входили Евтим Евтимов, Лучезар Еленков, Димитр Гулев, Герчо Атанасов, Иван Балабанов.

В дружеской беседе были затронуты вопросы сотрудничества братских литератур. Гости поделились впечатлениями о прошедшей в Москве XVII встрече руководителей союзов писателей социалистических стран.

В беседе приняли участие сотрудники редакции «Огонька», а также поэт В. Сидоров и прозаик В. Горбачев.

— Когда же ты избавишься от этой привычки!

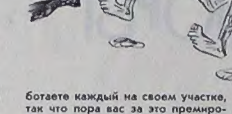
— Кстати, не забыть бы сразу после музея сдать посуду.

— Ну, внучек, теперь наверняка шайбу забьешь.

Рисунки В. Воеводина, С. Тюнина, Ю. Черепанова

— Дорогой, скажи мне еще раз, что ты меня любишь больше всего на свете.

ГОРЯЧИЙ ПРИЕМ

Борис **ЛАСКИН**

РАССКАЗ

В кабинет директора Егорыч вошел запросто, минуя секретаршу. Шмагин поднялся ему навстречу.

— Докладывай.

— Все в порядке.

— Температура?

— Сто с гаком.

— Нормально. Так держать. Как начнем, сходишь, сам знаешь за чем.

— Сколько взять?

— Сколько?.. На два лица.

— Ясно-понятно. А прокурора не пригласите?

— Какого прокурора?

— Горчалова. Говорят, он в поселке.

— Да? Возможно. Лично я его не видел.

Лицо Шмагина приняло озабоченное выражение: «Чего это он вдруг явился?»

— А вообще... какие идут разговоры?

— Насчет чего?

— Ну, насчет... объекта.

Егорыч почесал в затылке.

— Такое мнение народ высказывает: в старой бане теснотища, как в автобусе, давно пора бы новую баньку поставить, а дирекция...

— Что дирекция?

— Она только для себя подсуетилась.

Услыхав это, Шмагин хотел было жахнуть кулаком по столу, но сдержался.

— Я ж тебя, Егорыч, инструктировал: на подобные реплики сумей умно ответить. Сауна—объект медицинский. В сауне человек себя лечит воздействием сухого пара на свой организм. Происходит гимнастика сосудов, и в итоге уставший товарищ опять готов для героического труда.

Егорыч усмехнулся.

— Тут я намедни после воздействия пара посуду сдавал — один малый из заводских объявил, будто люди про наш объект заметку послали в районную газету...

— Ну и что?.. Новое часто встречают в штыки... Ничего, у меня сегодня сам редактор газеты париться будет. — Шмагин сделал паузу.— Баня, а в особенности сауна, большую силу имеет, от нее люди добротой заправляются. Придет: «А вот я вас!»,—посидит, порцию жару примет, и он уже совсем иной, он тебе друг, товарищ и брат. Понял?.. И поменьше слушай разные глупости.

— Ясно. — Егорыч протянул директору ключ.

— Нет-нет. Зачем? Не надо. Встретишь нас в белом халате, как медицинский работник, а потом, когда вернешься с задания, сам дверь отопрешь.

Сунув ключ в карман, Егорыч отправился в сауну.

Массивный, с лысиной, блестящей, как бильярдный шар, Шмагин чувствовал себя непринужденно: он здесь хозяин, ему гости должны быть благодарны за доставленное удовольствие. Редактор районной газеты Казанкин таращил глаза, ерошил курчавые волосы и тихонько постанывал. Костистый, со строгим лицом Горчалов даже и сейчас, в натуральном виде, походил на прокурора, обдумывающего обвинительную речь. Шмагин разыскал его и почти силком привел в свою сауну. Тот поначалу упирался, но все же уступил настояниям Шмагина, который с чувством сказал ему, что он, Горчалов, просто-таки обязан укреплять здоровье, поскольку он стоит на страже закона и всегда должен быть в форме.

Сейчас все трое сидели рядком, багровые от адской жары.

— Здорово! — Казанкин дышал, широко открыв рот.— Вообще стоило бы прославить в печати вашу затею...

— Кто же вам мешает? — улыбнулся Шмагин.— Вам, как говорится, и перо в руки.

— Да, но она для ограниченного контингента, — заметил Казанкин, и Шмагин понял, что заметка пришла уже в редакцию.

— Моя сауна открыта для всех трудящихся. Кто желает, милости просим, мы всегда рады.

— Так на стадион приглашать можно,— бросил прокурор, — тут особенно не развернешься.

— В тесноте, да не в обиде. Первый опыт,— опять улыбнулся Шмагин в надежде услышать слова одобрения за проявленную инициативу. Однако вместо этого Горчалов похлопал себя по бокам и указал Казанкину на Шмагина.

— Горячий прием нам оказан...

— Это, дорогие товарищи, не все. Не все! Главное впереди. — Шмагин уже почувствовал в интонации прокурора проступающую мягкость. Сухой пар делал свое полезное дело.

— Поджаривать нас будете? — осведомился Казанкин.

Редактор уже дозрел до нужной кондиции — наслаждается на полную железку. Навряд ли у него после этого поднимется рука напечатать в газете критическую заметку.

— На сей раз поджаривать не буду, — весело сказал Шмагин,— люди вы уважаемые, отлично работаете каждый на своем участке, так что пора вас за это премировать положительными эмоциями.

Казанкин смахнул с лица обильный пот.

— Не до жиру, быть бы живу.

— Это я вам обещаю. А сейчас,— слезея с полки, Шмагин сделал приглашающий жест,— прошу за мной.

— Куда? — полюбопытствовал Казанкин.

— На свежий воздух. За мной!— скомандовал Шмагин. — Народу никого. Мы ж на удаленном участке.

— Привет жене и детям! — подбодрил себя Казанкин и последовал за Шмагиным.

— Эх, была не была! — пробасил Горчалов, покидая сауну.

Окутанный паром Шмагин с ходу врезался в сугроб. Туда же с визгом и придыханиями рухнули редактор и прокурор.

Через десяток секунд вся троица помчалась назад, в сауну. Вслед за Шмагиным одновременно финишировали Казанкин и Горчалов.

Шмагин дернул дверную ручку, но дверь не открывалась. Он метнул взгляд на Горчалова. Именно он, выбегавший последним, захлопнул за собой дверь.

— Интересное кино на свежем воздухе,— тихо сказал Шмагин.

— У кого ключ? — спросил Казанкин.

— Поищите у себя в карманах, — пошутил Горчалов. — Придется дверь ломать.

— Ничего, ничего, ничего... — растерянно повторял Шмагин. Все ведь шло хорошо. Кошмар и ужас! Районная печать и прокуратура в голом виде. Ай, какая неприятность! Неважно, кто виноват, важно — что же теперь делать?

— Ощущаю легкую прохладу.— Казанкин обнял себя за плечи.

— Черт меня дернул пойти на этот эксперимент,—с досадой сказал Горчалов, приняв позу футболиста, готового принять на себя штрафной удар.

— За мной! — нашелся Шмагин.

— Куда теперь? В ресторан? — Казанкин босиком отбивал чечетку.

— В сторожку. Тут рядом. Метров двадцать. Бежим!..

По пути к спасению каждый подумал одно и то же: «Хорош я буду, если меня сейчас увидит кто-нибудь из сослуживцев».

Сторожка, к счастью, оказалась открытой.

— Вот и все. Порядок! — с напускным оживлением сказал Шмагин. — Сейчас чего-нибудь подыщем, оденемся...

— Интересно, а во что же мы оденемся? — сухо спросил прокурор.

Сторожка была пуста. На вешалке у двери висел белый медицинский халат, детская бескозырка с надписью «Моряк» и пластмассовая шашка с портупеей.

— Даже оружие и то холодное, — заметил Казанкин.

— Это Митька, сторожа внучек, свое имущество оставил...

Казанкин прижался к печке, сохранившей слабые остатки тепла.

— Наденьте халат,— предложил Горчалову Шмагин,— будете как медицинский работник...

— Спасибо. Я в другой системе работаю.

Столь официальный ответ Шмагин истолковал по-своему и в замешательстве предложил халат Казанкину.

— Не надо. Уже согрелся. — Пытаясь разрядить обстановку, он надел бескозырку и нацепил шашку. — Могу идти куда угодно.

Шмагин сделал попытку улыбнуться.

— Буквально с минуты на минуту придет Егорыч. Он вот-вот вернется, увидит, что мы тут...

— Могу выйти ему навстречу, оказать воинские почести.— Казанкин выдернул из ножен шашку.

Горчалов вздохнул и махнул рукой.

Со скрипом отворилась дверь. Появился Егорыч.

— Вот вы где! — Он удивленно смотрел на директора, стоявшего в чем мать родила, на прокурора в точно таком же виде, на редактора в Митькиной бескозырке и с шашкой наголо.— Пришел туда на объект, гляжу — вас нету, одна только одежка... А вы почему здесь отдыхаете?..

Шмагин погрозил Егорычу кулаком.

— Почему? Потому!.. Там дверь захлопнулась, когда мы освежиться выбежали. Завтра же смени проклятый этот замок!

— Будет сделано.— Старик запустил руку в сумку.— Один только вермут остался...

— Отопри сауну! — строго приказал Шмагин. — Мы сейчас...

— Оденемся — и по домам. С меня хватит, — заключил Горчалов.

Егорыч быстро вышел.

Спустя минуту послышался его призыв:

— Давайте сюда! Открыто!

И они снова побежали — прокурор с суровым лицом, редактор в бескозырке.

Последним, сокрушенно качая головой, бежал директор.

Мкртич КОРЮН

САТИРИЧЕСКИЕ МИНИАТЮРЫ

ОШИБКА В РАСЧЕТАХ

Сосед, который вышел в инженеры,
Мне встретился —
На лице полный мрак.
— Родной, чем опечален ты сверх
меры?
— Рацпредложенье не внедрю
никак.
— В расчеты вкралась, видимо,
оплошка?..
Ответ его безрадостен и вял:
— Вот именно...
Не рассчитал немножко:
Начальника в соавторы не взял.

ОКО ЗА ОКО

Коллегу повстречав у театральных
стен
Устроил сцену композитор Н.:
— Презренный, без уверток
отвечай —
Как хохотать осмелился ты в зале,
Когда в ближайший вторник
исполняли
Мой опус под названием «Печаль»?
Тобою вызван форменный
скандал!..
— И поделом,— коллега молвил
резко,—
Не ты ли в воскресенье зарыдал,
Когда мою услышал юмореску?!

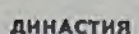
БЕЗДАРНОМУ ХУДОЖНИКУ

Что множество красок извел —
не беда.
Беда — не оставил одной.
Для стыда.

ЛИЧНЫЙ ВКЛАД

— Докладчик утонул в цитатах
с головой.
— Что, все чужое?
— Кашель вроде свой..

ДИНАСТИЯ

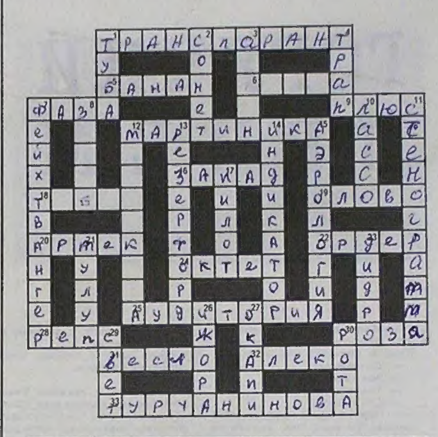
Бездарен сам? Переживем пока.
Но вы держите ушки на макушке,
Поскольку он желает к
литкормушке
Пристроить и бездарного сынка.

НАДЕЖНОЕ ПРИКРЫТИЕ

Считает кресло он подобием щита:
Достать стрелой его критической —
Тщета!

Перевел с армянского
Борис ГАЯКОВИЧ.

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Лозунг или изображение на прозрачном материале. 5. Тропическое растение. 6. Пушной зверек. 7. Период, ступень в развитии определенного явления, процесса. 9. Математический знак. 12. Один из Малых Антильских островов. 16. Страна света. 18. Река в Свердловской области. 19. Химический элемент, металл. 20. Всесоюзный пионерский лагерь. 22. Бухгалтерский документ. 24. Музыкальный ансамбль. 25. Зал для лекций, докладов. 28. Ткань с мелкими рубчиками. 30. Цветок. 31. Шест с лопастью для гребли. 32. Опера С. В. Рахманинова. 33. Народная артистка СССР, выступавшая на сцене Малого театра.

По вертикали: 1. Духовой музыкальный инструмент. 2. Форма поэтического произведения. 3. Стихотворение А. С. Пушкина. 4. Лестница на корабле. 7. Автор романа «Гойя». 8. Грамматическая категория глагола. 10. Приспособление для ловли животных. 11. Текст, записанный особыми знаками. 12. Курорт в Туркменской ССР. 13. Физик, один из создателей учения о радиоактивности и строении атома. 14. Вещество, химический реактив. 15. Раздел науки о земной атмосфере. 17. Летчик. 21. Меховая шуба. 23. Французский философ, писатель XVIII века. 26. Приток Невы. 27. Животное, обитающее в лесах Африки. 29. Электромагнитное излучение. 30. Войсковое подразделение.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 44

По горизонтали: 1. Шемая. 4. Параллакс. 9. Аверс. 10. Эскиз. 11. «Дедушка». 13. Воронеж. 14. Суданка. 15. Карамзин. 18. Стотинка. 20. Фантазия. 23. Квадрант. 27. «Арктика». 28. История. 29. Нигерия. 32. Тупик. 33. Линде. 34. Гладиолус. 35. Агама.

По вертикали: 1. «Шурале». 2. Молекула. 3. Яначек. 5. Кварта. 6. Гранка. 7. Осадки. 8. Лирник. 11. Джезказган. 12. Ассоциация. 16. Рейн. 17. Надя. 18. Срок. 19. «Нива». 21. Арктур. 22. Тритий. 24. Ратмир. 25. Неруда. 26. Трембита. 30. «Илиада». 31. Иволга.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: В. И. ЛЕНИН. Портрет работы Н. В. Томского.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: ПРАЗДНИЧНАЯ МОСКВА. РАДУГА. Тканое панно художника А. Шмановой.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 17.10.80. Подписано к печати 04.11.80. А 00448.
Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55.
Тираж 1 780 000 экз. Изд. № 2757. Заказ № 3110.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-137, ГСП, улица «Правды», 24.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Коммунистическая партия Советского Союза

Газета основана 5 мая 1912 года В. И. ЛЕНИНЫМ

Орган Центрального Комитета КПСС

№ 299 (22729) • Суббота, 25 октября 1980 года

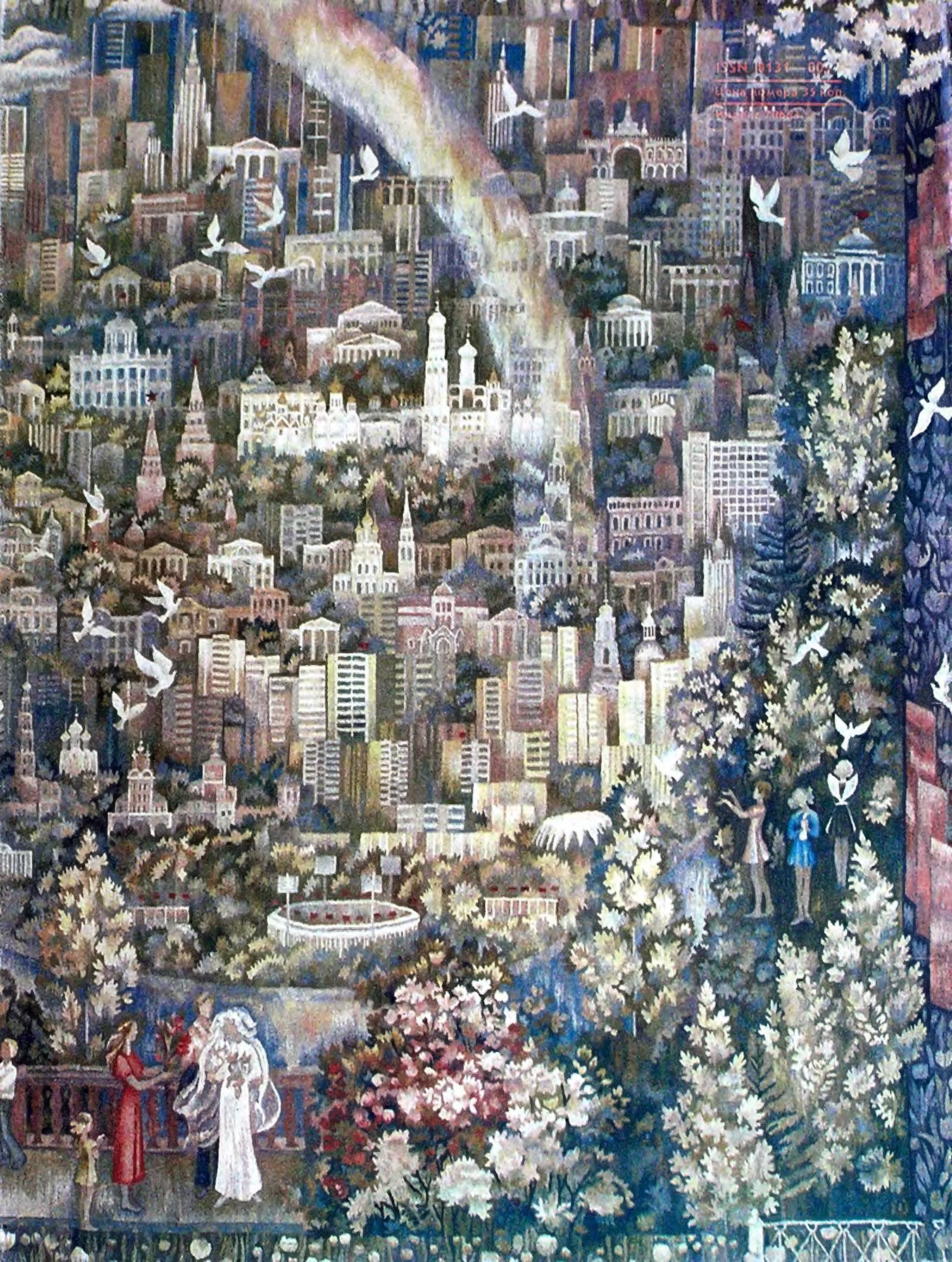
ВО ИМЯ НАРОДНОГО БЛАГА

ДВЕ ЛИНИИ.

Рисунок Бор. ЕФИМОВА.

ISSN 0131—00
Цена номера 35 коп.